

Саша Молох

Герцог
для королевы

Саша Молох

Герцог для королевы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69546040

SelfPub; 2023

Аннотация

Сегодня я застала своего мужа в постели с любовницей. Это раз. А потом я умерла. Это два. И пришла в себя рядом с покойником в короне. Это три. А теперь, чтобы остаться в живых, мне нужно срочно выйти замуж.

Содержание

1. Чужой мир и мертвый король	4
2. Чего дома не ждешь	11
3. Мряу!	17
4. Его мертвое величество	25
5. Незнакомец со злыми глазами	29
6. Закон Старых королей	34
7. Небрачная ночь	39
8. Священник и новое тело	45
9. Первая интрига	51
10. Гардероб и другие открытия	56
11. И снова Мряу	62
12. Мышь и быт	68
13. Великие герцоги	77
14. Ксандр	83
15. Кто королеву ужинает...	88
16. Проверка на прочность	94
17. Договор в силе	101
18. Давай погасим свечи	105
19. Опять Карасик	109
20. Утро добрым не бывает	114
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Саша Молох

Герцог для королевы

1. Чужой мир и мертвый король

Еще три дня назад я была обычной. С обычной профессией, с обычным мужем, с обычной скучной жизнью. Но все простое и привычное закончилось, стоило только умереть. Теперь я королева: у меня новое красивое тело, которое я не люблю, другая жизнь, где меня каждую минуту хотят убить, и новый муж.

Он великий герцог. У него широкие плечи, злые черные глаза и отвратительный характер. Он вспыльчивый, резкий и никогда не меняет своих решений. Он насмешлив, умен, но несдержан. Он ненавидит своих братьев. Больше всего на свете он любит власть и самого себя.

Герцог Ксандр мечтает о короне и готов ради нее на все. Даже на убийство.

Я влюбилась в него, как только увидела.

Но есть одна проблема: его корона – на моей голове.

Началось все безумно. Даже странно, что я тогда сумела сдержаться.

Передо мной лежал покойник.

На высоком мраморном постаменте, по которому шел воздушный узор из переплетенных дубовых листьев. Резьба была очень красивой, но мертвец не давал на ней сосредоточиться. Отвлекал. Ну потому что лежал прямо перед глазами. А я как-то не привыкла к такому зрелищу. Да и на похоронах-то была только пару раз в жизни – и то в толпе, к гробу не подходила.

Покойник был не такой как в кино – благостный и умиротворенный, а просто... мертвый.

Первый порыв заорать перекрыло желание зажать себе нос. Запах свечей, гари и каких-то благовоний мешался с вонью тления.

Я вдохнула и сразу прикрыла лицо ладонью. Ткнулась губами в перстни, которых сроду не носила. Заодно и кричать раздумала.

Иногда сначала нужно оглядеться, а потом уже паниковать, особенно когда-то кто-то рядом уже умер. Вдруг шуметь опасно? Может, этот шумел и поэтому умер?

Внутри, около сердца, уже возник липкий комок страха. Потому что я понятия не имела, где я и почему стою на коленях, рядом с чьим-то телом.

Я по профессии парикмахер, а не медик или полицейский – на трупы смотреть мне не сильно привычно. У парикмахеров стригутся живые. В основном.

А тут мертвец. Стопроцентно настоящий. Не перепутаешь. И одет странно.

Одна из толстых свечей, стоящих у дальнего края поста-мента, зашипела и погасла, утопив свой фитилек. Тут же к ней подошел кто-то и затеплил ее снова от другого огарка.

Значит, правильно не кричала. Я тут точно не одна. И прежде чем хоть что-то делать, нужно осмотреться. Пока осматривать я могла только то, что прямо передо мной.

Покойник был среднего возраста, вроде сорока еще нет. За собой следил – борода и усы аккуратно подстрижены и подбриты, но делал их явно не профи и плохим инструмен-том.

Что на голове, не разобрать – прическа прижата тяжелой золотой короной. Основание сплетено из дубовых листьев, а вот зубцы острые как пики. С синими камнями. Каждый камень размером с яйцо, куриное. Может, сапфиры? Я даже не знала, что они бывают такие огромные.

Одежда у покойника была шикарной – на вид дорогая тол-стая ткань расшита белыми нитями и серебристыми. Тоже дубовые ветви. Нечто вроде плотного жилета без застежек спереди и белая рубашка. На скрещенных на груди руках – кольца. Но почему-то без камней – с пустыми гнездами там, где они раньше стояли.

На плечах атласный бордовый плащ, тоже с золотой вы-шивкой по краю. Сомнения в том, что вышивка ручная, а нити по-настоящему золотые и серебряные, не возникло.

Под ладонями у мертвого лежал меч – длинный, почти до колен. В ножнах, на них тоже золото, жемчуг и мелкие зе-

ленные камушки, похожие на изумруды. Хоть сейчас в музей или на аукцион Сотбис.

За постаментом, где лежал труп, начиналась ниша. Серая кладка, серые камни и только грубые кованые подставки для двух факелов, которые сейчас не горели.

Все, что я рассмотрела, голову и память включить не могло. Поняла, что ничего не поняла. Но шевелиться побоялась – так и осталась стоять на коленях перед каменной скамейкой, на которой и лежал этот мертвый король. Потому что ну кем еще он может быть? Только монархом.

Я медленно опустила руки, которые были молитвенно прижаты к груди и перевиты четками из темно-винных гранатовых бусин, прохладных и гладких. Обзор справа и слева мне заслонял накиннутый на голову капюшон, и он же помогал прятать лицо от тех, кто стоял позади.

Я осторожно повернула голову.

Потому что когда ты ничего не понимаешь, но чувствуешь, что тебя где-то крупно обманули, то как-то перестаешь торопиться и начинаешь действовать, как кошка на охоте. Если кошка будет спешить, то промахнется, и мышка окажется в желудке у более умной кошки. А здесь есть риск, что саму мурлыку сожрут и породу не спросят.

С другой стороны, мне тридцать пять лет (это я помнила четко), и пора бы уже постичь эту нехитрую науку – шевелить мозгами, прежде чем куда-то нестись.

Слева никого: горели толстые желтые свечи, поставлен-

ные прямо на серый пол, и их огоньки трепетали на сквозняке. В слабом свете виднелись колонны – сумрачные и толстые, до самого высокого потолка, и две закрытые двери – массивные, как на входе в мэрию.

Справа – тоже свечи и очертания колонн. Скорее всего, я оказалась в большом зале, темном и громадном.

Осталось понять, кто тут еще есть и почему этот кто-то стоит позади меня. Ощущение неодинокости и острого неприязненного взгляда в спину не покидало.

Я осторожно развернулась, не вставая с колен, якобы поправить полу длинного плаща, который так удачно позволял мне осмотреться. Плащ был тяжелый, из какой-то толстой ткани. Мягкий на ощупь. Черный, без рисунков и вышивки.

Позади действительно стояли. Выше пояса разглядеть не получилось – голову поднять я побоялась, но ног насчитала больше десяти. Сапоги, разные. Из кожи.

Выше штаны и плащи. И шпаги. Или рапиры – вот уж в чем не разбираюсь. И уж точно тут не ролевые игры. На такие настоящий труп не носят.

Люди стояли тихо, не разговаривая, иногда переминались с ноги на ногу, и тогда оружие и металлические шпоры на сапогах звякали.

Видимо, им не показалось странным, что у тела их дорогого покойника сажу я.

Я отвернулась, сжала четки крепче. Mamочки, куда меня внесло?!

Бусинки послушно заскользили между пальцев. Восемь в одну сторону и двенадцать в другую.

Вид покойника не успокаивал, но он был самым безопасным: вел себя прилично и не мешал думать. Лежал себе, весь празднично одетый, и готовился к последней прогулке. Хотя шут его знает, как тут принято. Может, сейчас позовут некроманта, принесут меня в жертву и все.

Ох, неплохо бы выяснить для начала, где это “тут” находится и как меня сюда забросило.

Я стала медленно, бусина за бусиной, перебирать четки, пытаюсь сосредоточиться. И вспомнить. Потому что память проделывала странные кульбиты, словно была цирковой акробаткой: воспоминания мелькали, но зацепиться за них не удавалось.

При этом я без проблем могла рассказать свою биографию. Меня зовут Лера Иванченко, мне тридцать пять, у меня все в жизни неплохо. Работаю я в салоне на Каштановой, 5. У меня две дурочки-стажерки на попечении. А еще муж. Точно, есть муж. Зовут его Пашей, мы поженились три года назад, решив, что барахтаться вместе в этом жизненном болоте веселее.

Свадьба, путешествие в Голландию, отпуск в походе – мелькнули перед глазами. Вот я сижу на кухне и читаю, у меня на коленях кот, а муж рассказывает что-то о проекте...

Но черт побери, сюда-то меня как занесло? Праздник-реконструкция? Но вряд ли даже самый большой маскарад бу-

дет таким реалистичным.

Я не помнила, как оказалась здесь. Мне не был знаком ни богатый покойник, ни те, кто стоит позади.

Но я находилась в стопроцентной уверенности, что там стоят не ряженые, не ролевики и не актеры. Потому что если покойник настоящий, значит, и все остальное натуральное.

Надо только успокоиться и понять, что я забыла, почему оказалась тут и как выбираться из этой пропасти.

Первое нужное воспоминание заставило сжать четки так крепко, что я едва не разорвала скрепляющую их нить.

Да, сегодняшний день начался плохо.

Хуже некуда.

Как любила говорить моя начальница, навешивая смену поверх: “Лерка, обстановочка – фиговой не придумаешь, но постарайся выгрести, крошка”.

Дело в том, что у меня сегодня утром умер кот.

2. Чего дома не ждешь

Бывает маленькое не везет.

Это когда сломала ноготь, натерла ногу, не увидела, что тушь потекла от дождя, не выпалась и опоздала на работу. Юбку под плащ забыла надеть. Вот тем, кто сейчас скажет, что ноготь – это ого-го какая проблема, я отвечу – ну значит, ваша жизнь прекрасна, восхитительна, и я сейчас удавлюсь от черной зависти.

Бывает среднее не везет. Оно вроде и плохое, но кратковременное – премии лишили, простуду подхватила, отпуск накрылся, парень, который нравился, внезапно дал заднюю, вы стали обратно друзья, а твоя подруга идет с ним в клуб сегодня ночью. От такого порываешь – и вроде как отпускает. На то оно и среднее – очень неприятно, больно, но не смертельно.

А бывает “не везет” такое, что хочется спрятаться под одеялом и никогда оттуда не вылезать. Большое “не везет” обычно многосоставное, как сколопендра, и такое же мерзкое. Вот подобное у меня и произошло.

У меня умер кот.

Можно сколько угодно говорить себе, что ему было восемнадцать лет и жизнь у Карасика была прекрасная, полная вкусностей и ласки, но легче от этого не становится.

Карасик умер. В ветклинике. Врач, молодая девочка в зе-

ленной униформе, только руками развела, сказав:

– Возраст. А что вы хотели?

А я бы хотела, чтоб он был живой. И встречал бы меня с работы и об ноги терся, мурлыкая. Но есть такие вещи, перед которыми ты бессилён.

И главное, заплакать прямо там не вышло.

Накатило уже после, когда сидела на скамейке в парке и смотрела, как дети гоняют на самокатах. Так бывает, когда сначала думаешь – вроде нормально, не больно. А потом как даст со всей дури, так что дышать никак и в глазах двоится.

Ко всему прочему сильно разболелась голова, а ни таблетки, ни воды я с собой не прихватила.

Рядом со скамейкой упал с самоката какой-то малыш и расплакался. К нему сразу подбежала бабушка, чтобы успокоить. Я посидела еще минуту и поняла, что жутко хочу домой – просто порыдать в подушку. На улице рыдать не выходило. Мама приучила с детства – даже если очень больно и обидно, держи морду кирпичом, дома поплачешь. Подушка, она никому не расскажет и все выслушает.

Поэтому я решила, что пусть пока голова страдает, хоть руки будут заняты, зашла в магазин, купила на обед заморозки, новую кружку – мою любимую вчера Паша расколол. На старой был веселый лисенок с пистолетом, на новой – скучная белка с шишкой. Ничего, потом куплю себе другую. Пусть пока эта побудет любимой.

Забавно, еще вчера я больше всего переживала из-за

кружки, разбитой моей второй половинкой. Да пусть хоть все кружки в мире разобьются, только бы Карасик ко мне вернулся.

Дверь домой открыла как-то на автомате, скинула туфли, притащила пакет с продуктами на кухню, раскидала по полкам. Поняла, что по привычке купила кошачий корм. Спрятала его подальше – потом отдам соседке, они недавно котенка подобрали.

Есть не хотелось, а Паша вполне обойдется на обед вчерашним супом.

Я растерла ноющие виски и только тут поняла – что-то не так. Почему меня никто не встречает? Сегодня воскресенье – и Паша точно был дома, когда я увезла Карасика в клинику. Обычно, если мы с котом уходили на процедуры, то торчали там до самого вечера – каждая капельница занимала по полтора часа. Потом я звонила Паше, говорила нас встречать, и он подъезжал прямо в ветлечебницу.

А сегодня я забыла позвонить. Я вообще вспомнила о том, что у меня есть муж, только в магазине. Казалось бы, стоило прямо из ветеринарки позвонить ему, но мне как-то не пришло в голову. Карасик был моим котом. К Паше он даже на колени не залезал и всегда обходил по широкой дуге. Правда, вкусняшки принимал, но с таким видом, точно он важная персона и все ему тут должны.

Может, он подумал, что успеет до моего звонка, и куда-то уехал? Странно, вроде не предупреждал. Сейчас по кварти-

ре расползалась странная тишина. Может, уснул? Все-таки выходной.

Чаще всего по субботам мы уезжали за город – на еженедельные встречи клуба шевроле. Там в летнее время были шашлыки и болтовня о моторах, покатушках и брелках, а в зимнее – курица на гриле в придорожной забегаловке и сражения в снежки.

Мне поездки уже порядком поднадоели, но Паше там нравилось, и я молчала. В конце концов – тусовка любителей авто не самый худший вариант. Один из моих бывших однажды целый месяц таскал меня покупать гараж. Мы налюбовались, наверно, на все гаражи в городе, и на двадцать пятый раз я не выдержала и свалила прямо с осмотра очередного мужского святилища, оборудованного печкой, диваном с подозрительными пятнами и с полным отсутствием авто внутри.

Я, закинув по дороге в стиралку грязное кухонное полотенце, прошла через большую комнату к спальне и растерянно остановилась перед закрытой дверью.

Сами понимаете, в доме, где живет (жил, все время приходится себе напоминать) кот, закрытые двери – это такая диковинка!

Карасик, попав ко мне двухмесячным комком свалывшейся шерсти, из которого глядели два мутных глаза, объявил закрытым дверям войну и храбро сражался с ними всю жизнь. Было у него что-то личное к дверным ручкам и зам-

кам. Единственная закрытая дверь, с которой он был готов мириться, – входная в квартиру. К ней он даже не подходил – натерпевшись за первые недели жизни в подвале, он панически боялся оказаться на лестнице. И выходил из дома только в переноске или у меня на руках.

Поэтому двери во все комнаты, включая ванную, были всегда приоткрыты. Мне это не мешало, да и Паша смирился. Карасик был котом тактичным и не имел привычки вpirаться к нам в спальню в самый интимный момент. Он приходил после, плюхался мне в ноги и смотрел с укором, мол, нашла на кого променять сладкие часы почесывания моего пузика.

Ну да, теперь двери можно закрывать.

Я переждала, пока внутри отпустит бессильная злоба от потери, повернула ручку и вошла.

– Паша, я...

В такой ситуации кто-то из тех мужиков, у которых мой бывший безуспешно покупал гараж, наверняка срифмовал бы матом.

Потому что бывают ситуации, когда все нормальные слова не нужны, а подходят только такие.

Паша судорожно застегивал ширинку, пытаясь одновременно заправить рубашку в брюки. Выглядело бы это смешно, происходи все на экране, а не в жизни. Мне было не до смеха, точно.

Его предмет страсти, пепельная пухленькая блондинка из

клуба (я ее вспомнила, у нее была темно-вишневая лачетти, с забавным зайцем на присосках на заднем стекле), медленно и не спеша надевала кофточку. Пуговка за пуговкой. И улыбалась.

Ну да, для нее ситуация была забавной.

Это же меня на нее променяли.

3. Мрряу!

Возвращается как-то жена из командировки, а соседка ей и говорит... Но когда анекдоты становятся жизнью – тут не до смеха. Хотя лицо у Паши просто загляденье – красное от натуги, глаза выпучены.

Интересно, а если бы они успели одеться, что бы это изменило? Он бы начал мне рассказывать, что блондинка просто шла мимо и случайно заглянула к нам в спальню? Цирк.

Еще ироничней, что в панике Паша натянул на себя мои брюки, они совпадали по цвету и ткани, и несколько раз мы забавно путались, собираясь спросонья на работу. Сейчас забавно не было.

Было противно.

Внутри стало окончательно холодно. И если после Карасика там еще ныло, то теперь как отрезало. Только вот голова заболела так, что картинка стала двоиться.

Досматривать сцену я посчитала излишним.

– У тебя час на то, чтобы собрать вещи. Думаю, справишься. Ника, если не ошибаюсь? У вас вещей меньше – хватит и пяти минут.

И ушла на кухню.

Желание прореветься куда-то рассосалось, внутри клубилось холодное бешенство. Картинка, до этого расколотая на кусочки, начала собираться. Сходилось все: досадные мело-

чи, на которые я раньше не обращала внимания, сочувственные взгляды соседки, внезапные отлучки.

Больше всего бесил даже не сам факт, что Паша мне изменял, а то, что я, как сельская дурочка, позволяла себе закрывать глаза на все признаки, которые мне об этом даже не говорили – орали!

На субботних встречах он радостно ржал в компании приятелей, галантно общался с девушками из тусовки и напрочь забывал про меня.

Приходил по будням почти к ночи, в отличном настроении, рассказывая о том, какую крутую штуку придумал их шеф – хозяин мелкой конторы-тотализатора. И как данная штука поможет Паше разбогатеть до неприличия. Правда, эти планы не помешали ему упросить меня взять кредит на ту самую шевроле, которую он радостно показывал на тусовке.

Хорошо хоть банк оказался умнее, и до конца выплаты кредита тачка была записана на меня. Хотя Паша выражал этим фактом всяческое недовольство, мол, почему не дают переписать на него. Ведь он вот-вот заработает свою кучу денег.

Но я дурой была, а кредиторы – нет. И теперь машина останется у меня, а вот Паше придется уйти.

Я заварила чай с мелиссой, несколько раз до боли зажмурилась, пытаюсь прогнать черные пляшущие перед глазами точки. Налила в чашку, опустилась на табурет и постаралась

сделать вид, что не слышу, как там в спальне разгорается скандал. Пока орали вполголоса – но вряд ли из уважения, скорее не хотели палиться больше уже засвеченного.

Потом хлопнула дверь, раздался перестук каблуков, и ко мне на порог заявила Ника, на ходу поправляя прическу.

– Ты не против, если я воспользуюсь ванной? – смерив меня взглядом, в котором мешались жалость и презрение, спросила она.

Ну правильно. Кем я сейчас выглядела? Лохушкой. Которую обманывали невесть сколько времени и которая обо всем узнала только потому, что вернулась домой пораньше.

– Против. Пошла вон.

Такого ответа от обычно мягкой меня Ника явно не ожидала, но быстро взяла себя в руки, фыркнула презрительно:

– Какая мелкая месть. Кстати, мы вместе уже восемь месяцев, – и устучала каблуками по коридору на выход.

Забавно, как я не заметила ее куртку в прихожей? Наверно, я действительно очень невнимательная. И лохушка, да.

Чай закончился, от отмеренного мною времени для Паши осталось полчаса. За это время он дважды прошел с сумками (моими сумками, кстати, купленными для поездки на юг) из спальни в прихожую.

Потом приперся на кухню – уже в своих брюках и рубашке, которую я купила ему на наш трехлетний юбилей. Рубашка была красивая, но Паше не шла, смотрелась так, будто он ее украл. Удивительно, как некоторые не умеют слышать

свою интуицию – ведь кричала же она мне: не твой это парень, беги от него... Но у меня беруши, я тут самая умная.

Паша с грохотом придвинул табуретку к столу, сел и трагично на меня уставился.

– Я не хотел, чтобы так получилось...

Ну вот приплыли. Конечно, не хотел. Теперь пойди поищи еще такую дуру, которая и сказки про рабочий проект съест, и деньги тебе на машину заработает (сколько я помоталась по клиенткам ради этой машины!), и еще кормить-поить будет, пока ты других баб обхаживаешь.

Я все это проговорила внутри себя, потому что вслух получалось только дышать – тихо и размеренно. Голова болела все сильнее, нужно было выпить какие-то таблетки, но я никак не могла сообразить какие.

– Мы с тобой очень разные люди, и дело не в тебе, а во мне...

Ясен перец, в тебе, Паша! Это же не я притащила в нашу кровать постороннюю бабу, не я обманывала женщину, с которой живу уже три года.

Он, кажется, еще что-то говорил, но мозг думать отказывался, а потом прозвучало с нажимом “машина”, и пришлось очнуться.

– Что?

– Я заберу машину. Мы же все равно хотели ее на меня переписывать. Ты же и не ездешь совсем...

Паша пожал плечами, так что сразу становилось ясно –

машину он забирает из большой жалости ко мне. Потому что ну куда мне такая обуза, да?

И вот сейчас меня порадовало то, что я целый месяц покупала когда-то гараж. И даже фразу составила грамотную из матюгов, хотя ругалась так редко, что у меня “фигня” считалась за нецензурщину. Коллеги на работе ржали, конечно, говорили, что нормальный парикмахер должен уметь виртуозно крыть матом. Но вот до этого момента как-то не приходилось.

Паша не ожидал, отшатнулся. У него на лице так откровенно боролись жадность и трусость, что я даже про свою головную боль забыла. И как я с ним столько времени прожила, не замечая того, насколько он мелкий и мелочный человек.

– Ну зачем она тебе? Под меня же брали. Ну и клуб, все дела. Перед ребятами неудобно. Я как только получу за проект аванс – сразу все отдам. Сколько там осталось выплачивать – полтора года? Я буду привозить...

Вот так – перед ребятами неудобно. А передо мной удобно.

– Паша, – собственный голос показался каким-то карканьем, и от него зазвенело в ушах. – Если ты дотронешься до ключей – я позвоню в полицию и заявлю об угоне. Мы женаты, но машина была куплена до свадьбы и оформлена на меня по всем документам. У тебя теперь есть на чем кататься – вишневая лачетти уже восемь месяцев как твоя. Ну мне

такие сроки только что озвучили. Так что у тебя осталось двадцать минут.

Паша попытался спорить, что-то еще говорил, но в ушах звенело все сильнее, и я уже почти не слышала, что он там пытается доказать. А чтобы и не видеть – ушла в ванную, в спальню сейчас наведываться точно не хотелось. Пустила сильную струю холодной воды, умылась.

От холода с головой стало еще хуже. Первый раз в жизни она закружилась. Мне в этом плане очень повезло – с моей вестибуляркой, как шутили на медкомиссиях, можно в космос.

А тут раз, два, и кафель так сильно качнулся, что пришлось уцепиться за батарею, чтобы устоять на ногах. Где-то вдалеке Паша крикнул:

– Мы поговорим потом!

И хлопнула входная дверь.

Наконец-то. Закончилось.

Можно было выходить. Очень осторожно, по стеночке, чтобы не словить еще раз головокружение, я прошла вперед, на кухню. Все-таки стоило принять таблетку, хотя бы обычный аспирин.

Перед глазами качнулось снова, но до холодильника, где лежали лекарства (крайне скромная аптечка), я добралась, вытрясла коробочку с обезболивающим, потом развернулась к кухонному столу, чтобы взять кружку. И услышала:

– Мряу!

Оно, это “мряю”, было настолько особенным, что блистер с таблетками у меня из руки выпал. Так мяучил Карасик, когда был сильно недоволен. Это было последнее кошачье предупреждение, за которым следовали санкции вплоть до страшной обиды и полного игнора на сутки. Это “мряю” он применял очередь редко, только когда жизнь становилась невыносимой.

Только вот Карасик сегодня утром убежал на кошачью радугу и уж точно не стал бы оттуда спускаться, чтобы выразить свое пфе.

Я поняла, что дело совсем худо. Если с головокружениями я еще справлялась, то галлюцинации были совсем новеньким. Нужно было что-то делать. Звонить подружкам? Так Нина уехала на дачу, а Таська на смене трубку не возьмет – им нельзя. Звать обратно Пашу? Сразу нет. Соседей? Еще была тетя Тамара – единственная живая родственница, но беспокоить ее страшно не хотелось.

Я вспомнила, что свой телефон оставила в прихожей, на полке. Нужно было решать задачи по мере поступления и сначала добраться до мобильного, а потом уже выбирать, кому звонить – Нинке или прямиком в скорую.

Путь до прихожей оказался каким-то безумием. Стенки то и дело отшатывались куда-то вбок и в сторону, пол плясал, а слева зрение точно завесили черной тряпкой, стоило на нее посмотреть попристальней – и она исчезала, а как только я начинала смотреть вперед – снова появлялась.

Телефон по-прежнему лежал на полке – рядом с ключами и так и не опробованной дурацкой кружкой с белкой. Но когда я попыталась взять мобильник, увидела, что экран у него разбит в куски – так бывает, если долбануть чем-то тяжелым и острым. Видимо, блондинка мелочиться не стала – и отомстила с шиком. Я стряхнула с полки осколки, повертела теперь уже бесполезный кусок пластика в руках. Надо идти до соседей. Вдруг они дома.

– Мряу.

Карасик сидел посреди коридора, подвернув злобно поддрагивающий хвост под лапки, и смотрел с осуждением. Я его понимала. Остаться одному в чужом холодном помещении – это ж никаких нервов не хватит. Наверно, очнулся, а меня рядом нет и...

– Мряу!

Я моргнула, черная занавеска сбоку качнулась, упала на лицо и сильно ударила под дых. Стало нечем дышать, а потом и незачем.

4. Его мертвое величество

От того, что провал в памяти заполнился до краев, словно в ванне кран открыли, легче не стало.

И покойник никуда не делся, и каменный пол все так же охлаждал коленки. Да и гранатовые бусины, которые я перебирала в руках, наверняка были не из пластика. А если присмотреться, то и руки были чужие – моложе, тоньше. И ногти подстрижены коротко, под корень и никакого лака, а я ведь неделю назад сделала себе маникюр.

Опять захотелось заорать, но похоже, что в моей ситуации это могло закончиться очень плохо. Один раз я сегодня уже умерла, и хватит с меня. Давай-ка, Лерочка, ты будешь тихой пайнкой.

Сейчас, когда голова не болела, а перед глазами не плавал черный туман, получилось сообразить, что, скорее всего, у меня случился сердечный приступ. И судя по тому, что я здесь, а не там – скорая ко мне не успела.

Не зря мне померещился Карасик. Предупреждал, наверное.

От воспоминаний о коте внутри опять все сжалось, а в глазах встали слезы. Пришлось пару раз глубоко вдохнуть, чтобы взять себя в руки.

В собственную смерть верилось слабо. Вроде сейчас я живая. Вижу, дышу, коленки замерзли на камнях – никаких

внешних последствий. Ну, стань я призраком – наверно, переживала бы. А так руки-ноги есть, голова думает, уши слышат.

Тут скорее боязно за то, куда я попала и в кого. Двигаться с места я не решалась, только еще раз потрогала плащ и поглубже надвинула капюшон. Беспокоить меня не спешили – все так же переминались позади, на расстоянии, покашливали да фыркали, словно кони.

А я тайком под плащом пыталась разглядеть саму себя. А что еще оставалось?

В неверном свете удалось рассмотреть и нащупать немного – но тело точно было не мое. Ноги худее, бедра уже и грудь меньше. Очень тонкие запястья и слабые пальцы, словно я тяжелее ложки ничего в руках не держала.

На указательном пальце правой – тяжелый перстень с красным камнем. На среднем – кольцо с вязью из букв. У букв начертание вроде незнакомое, но читается – “Л” и “К”.

Волосы убраны в прическу с плотным плетением и каким-то тяжелым венцом – тиарой или диадемой, прядку не вытянуть, не посмотреть, какого они цвета. На шее украшение, похоже, что колье – массивное, словно жернов, под самое горло. С ограненными холодными камнями и мощными кольцами из металла.

Ткань платья тоже оказалась не из простых: по темном бархату шла такая же темная плотная вышивка. Без золота и прочего, но на ощупь платье было как моя годовая зарплата.

Или дороже.

Двигаясь медленно, словно улитка, я снова взяла в руки четки и стала перебирать гранатовые бусины.

Если я не брежу и не сплю, то ситуация выходит невеселая. Хорошо бы не сойти с ума. Наверно, я все-таки умерла, ну или впала в кому – тут уж без разницы. Вот радость-то, наверно, у Паши – машина теперь целиком его, и квартира, води блондинок хоть табуном. От злости снова подступили слезы, но позади кто-то кашлянул, напомнив, что сейчас есть проблемы куда серьезнее, чем оставшийся в другом мире неверный муж, и я взяла себя в руки.

Похоже, я влетела в тело какой-то молодой девчонки.

Девчонка весьма богата, не занимается спортом и скорее всего была замужем за этим покойником в короне. На отца он не походил – слишком молодой. Конечно, это мог быть брат, но мне почему-то казалось, что это не так. Муж.

Но если я попала в чужое тело из-за какого-то волшебства, то где его прежняя хозяйка? Может, меня в любой момент выпнут, как захватчицу? Я прислушалась к себе. Внутри головы никто не спешил орать дурным голосом и не требовал убираться. Я ощущала тело как свое собственное.

Значит, буду чувствовать себя как дома. Другого выхода тут нет.

Позади наконец зашевелились, зашептались, потом в поле зрения возникли коричневые сапоги с тиснением. Поцарапанные на носках и весьма небрежно начищенные. Выше

сапог начинались плотные черные штаны, а на боку висела перевязь с оружием.

– Ваше Величество, – слова были почтительные, а вот в голосе не было ни капли почтения.

Вот, значит, как. Величество – это круто. Это сразу на высшую ступеньку. Значит, покойник – действительно король, а я королева. Придется как-то соответствовать.

5. Незнакомец со злыми глазами

Я легко поднялась на ноги, делая вид, что опираюсь на предложенную мне руку, хотя едва ее касалась, и наконец смогла осмотреться по сторонам, не вызывая подозрения. В солнечном сплетении неприятно закололо.

Зал действительно был огромным и походил на центральную часть гигантского собора. Стоящие в подсвечниках высотой с человеческий рост свечи не могли осветить теряющийся во тьме потолок, а только бросали на стены зыбкие тени, усиливая мрачные ощущения.

Расшитые золотом знамена с дубовыми листьями были опущены вниз наверхиями копий, гобелены, украшавшие стены, забраны грубыми веревками в рулоны. Видимо, из-за траура.

Высокие узкие окна света не добавляли, их закрывали деревянные плотные ставни, и за ними ничего не рассмотреть.

По сравнению с размерами зала количество присутствующих на прощании людей удивляло – не больше тридцати. Почти все – мужчины. Одеты строго, в темных тонах, по средневековой моде. Жилеты, пышные рукава, куртки, как на портретах в музее. меховые оторочки, вышивки, перстни на пальцах. Только шляп и беретов не хватало. Если судить по одежде, то здесь только недавно закончили носить кольчуги и доспехи: в железках были только двое. Кажется,

такие штуки назывались кирасами. Остальные обходились лишь оружием – шпаги или рапиры были у всех.

Женщины тоже присутствовали. Три блеклые дамы. Которые скромно стояли позади мужчин и, стоило мне на них посмотреть, почтительно склонили головы.

– Хотел выразить вам свое сочувствие, – продолжил тот, кто помог мне подняться. – Соболезную вашей потере. Его Величество был всем нам отцом, и без него мы подобны сиротам. Без защиты и помощи. Спаси нас боги, такое горе.

Я наконец посмотрела на собеседника, в голосе которого помещалось столько ядовитой насмешки, что вежливые слова ее не прикрывали, а подчеркивали. И ох напрасно я это сделала!

Никогда раньше не верила во всю эту чушь про любовь с первого взгляда. Как в женских романах – она его увидела и поняла, что это судьба. Глупости! Даже в школе, прежде чем решить, в кого мне влюбиться, я долго рассматривала всех кандидатов, взвешивала, а потом уже, выбрав подходящего, старательно твердила себе, что именно он – то, что мне нужно. Но вот так, с ходу влюбиться до бабочек в животе, до сердца, которое хочет из груди выскочить, – никогда.

А тут подняла взгляд – и как в омут упала. Знаете, у каждой внутри живет какой-то размытый образ: сказочный, невозможный принц или герой, который придет – и навсегда останется рядом. На всю жизнь. Без всякого дерьма, быта и измен. И любить будет тебя любую – с лишним весом, пло-

хим настроением и прошлогодней стрижкой.

Вот сейчас я смотрела в глаза своей мечте. И понимала, что именно его я видела в самых своих лучших снах, в самых несбыточных.

Высокого роста, очень широкий в плечах, мощный как медведь, по-звериному грациозный. Отросшая недельная щетина. Волосы темные и длинные, по здешней моде заплетены в короткую косу, а часть свободно спускается до плеч, оставляя открытой шею. Резкие складки у тонких губ – видимо, любит смеяться. Брови нахмурены недобро, сразу выдавая – над собой шуток не потерпит. А глаза черные, как ягоды тутовника, прищуренные, со злой смешливой искрой.

Восхитительная скотина. Которая наверняка не пропустит мимо ни одной юбки. только если ее владелица не лежит в гробу. От него на три метра шибало этой животной похотью. Но шибало от него, а кругом шла голова у меня.

В груди стало горячо, да так, что к щекам прилила краска. Наверно, те самые бабочки не выдержали и сгорели. Стало страшно до дрожи и легко одновременно.

Странная штука судьба – понадобилось умереть и попасть не пойми куда, чтобы увидеть того, с кем готова быть рядом до конца. Даже если безответно. Потому что один раз увидев, я поняла – жить спокойно дальше и знать, что где-то по земле ходит он, я уже не смогу.

Только вот, похоже, мой избранник этого не разделял. Глядел недобро, свысока. Так часто смотрели чиновники,

когда я приходила за лицензией. Вроде на тебя смотрит, а тебя не замечает, как пустое место к нему пришло. Типа он тут хозяин мира и все в жизни разобрал – кто достоин внимания, а кто нет. Вот ведь характер!

Я на автомате вскинула подбородок, чтобы стать хоть немного выше, и отвесила ему четкий кивок, принимая издевательские соболезнования.

– Благодарю. Вы... весьма учтивы.

И посмотрела, не отводя взгляда, прямо в злые глаза, хотя внутри меня всю перетряхивало.

Видимо, я ошиблась и чем-то себя выдала: наверно девушка, в чье тело меня внесло, подобной смелостью не отличалась. Потому что тот, кто со мной заговорил, сначала смешался, замер – на секунду, но потом лицо у него закаменело. Он издевательски приподнял бровь и кивок отзеркалил.

Может, я нарушила какое-то негласное правило местного этикета? Ну и шут с ним! Следовало сначала понять, как выбраться из этой ситуации, а потом уже вникать в детали. Но больше я не позволю над собой издеваться. Один раз меня уже довели до сердечного приступа, и подобное повторить во второй раз я не дам!

Мужчина отступил назад, чуть склонившись в издевательски неглубоком поклоне и придерживая за гарду тяжелую рапиру. На секунду мне показалось, что он очень удивлен и озадачен, но потом он снова ухмыльнулся издевательски и так явно и пошло уставился мне в вырез платья, что при-

шлось спрятаться за кем-то из присутствующих.

Это оказался одышливый толстяк, который смотрел на меня с благосклонностью дедушки и все время причмокивал губами. Судя по однотонной одежде и золотому шитью – местный священник.

Он подхватил меня под локоть и, бормоча что-то успокаивающее про лучшие миры, повел куда-то по темным коридорам.

Знал бы он, откуда я свалилась им на головы!

6. Закон Старых королей

– Ваше Величество, погребение назначено на завтрашний вечер. Король уйдет вместе с закатом – как и положено настоящему правителю, – толстяк, прихватив за локоть, вел меня по длинным коридорам.

Очень кстати, что он был толстым и неповоротливым, шел медленно, и я успела хорошо рассмотреть замок.

Судя по узким окнам, факелам на стенах и небогатому убранству этажей, до парижских дворцов тут еще не доросли. Никакой лепнины или статуй. Только серый камень и темные от времени дубовые панели. Иногда попадались флаги – узкие синие полосы с белым венком из дубовых листьев.

Королевский замок был устроен разумно: пригоден и для мирной жизни, и для войны. С одной стороны, неприступная крепость, с другой – средневековый просторный дворец. Но случись что, в таких толстых стенах можно и осаду пережить, и от бунта спрятаться, да и гостям показать не стыдно.

Прощание с его неизвестным мне величеством как раз проходило в старой части, где двери такие тяжелые, что их открывали вдвоем, а большинство боковых винтовых лестниц имели настолько узкий проход, что приходилось держаться за стену. Зато при вражеской атаке обороняться тут было просто.

Потом стены расступились, коридоры стали шире, а клад-

ка более гладкой.

Появились арки, просторные залы, окна, забранные мутными стеклами, и мы вышли на открытую всем ветрам галерею. Холодный воздух сразу же ударил в лицо, забрался под накидку и заставил поежиться.

Отсюда, с галереи, виднелся большой город. Холмы, четыре больших и два малых, застроены домами с черепичными крышами. Из труб кое-где поднимается дым. Среди больших строений – в три этажа – яркие пятна цветущих садов. Между ними тянутся извилистые улицы, с темными лужами, потом сеть каналов с перекинутыми через них деревянными мостками. Ближе к стенам замка – дома побогаче, каналы почище и мосты из камня. Часть города от меня скрывал огромный скальный выступ. Похоже, что сам замок стоял на горе, возвышаясь над городом, как и положено обителищу короля.

Толстяк заботливо придержал дверь, цыкнул на расслабившегося стражника и повел меня дальше – уже в более приветливую и светлую, жилую часть дворца.

Остальные, кто был в зале при прощании или отпевании короля – шут его знает, что там происходило, – остались где-то позади и за нами не последовали. Тот, насмешливый, тоже. Лишь глянул мне вслед внимательно и недобро.

Может, и к лучшему. При этом мужчине у меня связно думать не получалось. Словно пробки в голове перегорали, только и могла, что смотреть, открыв рот.

Толстяк меж тем журчал мягко:

– Горе подданных бесконечно. Такое несчастье, такое несчастье... Во цвете лет, на пике славы. Слава Многоликим богам, закон все решил за нас, и междоусобицы не случится. Верно, Ваше Величество? Мы все хотим для нашего королевства процветания. Литавия превыше всего. Страшные дни пройдут, и наступит рассвет... Нельзя допустить, чтобы в столице, в прекрасном Лиссе случилась смута. Соседи только и ждут, пока мы вспыхнем мятежом. Торговцы. Гильдии. Чернь. Все захотят урвать свой кусок, а в итоге все достанется воронам. Ведь и вы, и я понимаем, насколько это опасно для всей страны. Возможно, повернись судьба иначе, вступил бы в силу закон Старых королей. Но увы...

Похоже, пришла пора как-то поучаствовать в разговоре. Тем более что толстяк наверняка знал много. Уж всяко больше, чем я.

Пока я постаралась запомнить названия: Литавия – страна и Лисс – столица, а то королева, которая не знает, как называется ее королевство – это уже ни в какие ворота.

– Какой закон? – заставить себя задавать вопросы было сложно и страшно. Но любопытство оказалось сильнее.

– Старая история, ваше величество. Ульрика Толстого убили при сече на Марнитойском поле через два дня после свадьбы с принцессой Палионой. За ним наследовали два его брата – Руфус и Бранд. Но умерший король успел провести с супругой две ночи, а значит, был шанс, что королева понесла

ребенка. Боги милостивы к королевам! Тогда Совет вынес решение: младший брат Руфус обязан жениться на королеве и выждать срок, положенный для того, чтобы стало ясно – понесла Палиона или нет. Он выполнил волю Совета, Палиона оказалась в тяжести и в срок родила мальчика – будущего короля Истредра. Руфус остался при нем регентом, а королева родила еще четверых детей уже от него. Династия на троне сохранилась.

Я подумала, что королевский Совет был набран то ли из идиотов, то ли наоборот – из умников, которым Палиона приплатила. Эта древняя королева наверняка окрутила беднягу Руфуса и забеременела от него. Потому что две ночи и последующие двадцать две – есть разница. Заодно и династию сменила.

– А средний брат короля? Он не восстал?

– Бранд был вынужден признать новорожденного короля. При прямом наследнике мужского пола брат остается братом. Царствует сын.

– Страшные дни. Хорошо, что есть закон, – повторила я и многозначительно замолчала.

Вываливали мне на голову эти новости явно не просто так, а с подвохом. Потому что королевой сейчас была я. И супруг мой точно умер. Как там говорят в сериалах про адвокатов – прецедент имеется.

Мой собеседник согласно закивал головой – так что пухлые щеки затряслись.

– Как жаль, Ваше Величество, что король не успел зачать наследника. Умереть на пороге супружеской спальни в первую брачную ночь! Что за злое проклятье! Храмы Многоликих богов будут денно и нощно молиться о том, чтобы его душа нашла дорогу в земли Золота.

– Мои молитвы пребудут с ним.

Ну а что я еще могла сказать?

Значит, на пороге спальни. Вот ведь не повезло девочке. Королевой стала, а женой – нет. Интересно, а как тут поступают с ненужными королевами? Что происходит с королями, и так понятно, своей смертью они не помирают. Особенно в день свадьбы.

7. Небрачная ночь

– Скорблю вместе с вами, Ваше Величество! Я надеялся, что вы полностью поправитесь к похоронам – вы пролежали без памяти два дня, после того как вас нашли в спальне на полу. И сердце ваше билось столь медленно, что мне стоило большого труда убедить братьев короля, что вас еще рано хоронить вместе с Его Величеством. Но зрелище было страшное, – толстяк схватился за сердце. – Его Величество лежит на пороге, сжимая в руках меч, и уже не дышит, вокруг вьется какой-то серый дым. Дикий холод пробирает до костей. И вы – рядом с ложем, белая, как снег зимой. И словно мертвая.

– Дым? – переспросила я.

– Да, белесая дымка. Она рассеялась почти сразу, и ее успел увидеть только я и пара слуг. Мы пригласили лучших магов из Академии, но они только развели руками. Сказали, что в покоях Их Величеств стоят мощные чары и они не пропустили бы злого заклятья. И что туман происхождения имеет божественное, а не магическое. Потому что Многоликие призвали короля Джастина в землю Золота и указали ему путь, – в голосе священника явно слышалось возмущение. – Ох уж эти маги! Сначала сами наворотят, а потом объявляют божественным! Но кажется мне, что они еще передумают. В городе уже шепчутся про дым, а значит, знают – без магии

тут не обошлось. А когда в народе гуляют ненужные слухи, Академия обязана вмешаться.

Я только покивала. Магия. Настоящая. Убившая моего мужа-короля. Впрочем, после венца на собственной голове остальное воспринималось проще.

– Однако после того как душа Его Величества обретет покой, нам предстоит пренеприятное расследование. Великие герцоги Ксандр, Тармель и Гектор уже договорились о том, кто будет главным следователем. Глава Академии займется этим лично. В чудеса братья короля верят еще меньше, чем священники.

Я судорожно припоминала, как положено говорить про родню мужа, когда священник продолжил:

– Их светлости очень о вас беспокоились – каждые пару часов посылали за вестями. Лекари не давали точных прогнозов. Мы все очень боялись, что вы последуете за Его Величеством.

Еще бы не беспокоиться. Оно и понятно. Король умер, единственный свидетель лежит в беспамятстве, маги не признаются в том, что случилось. Интересно, что же такого увидела эта несчастная королева? Может, убийцу? Скорее всего. Только вот сама королева, похоже, встречу с ним не пережила, и на ее место пришла я. Которая ни сном, ни духом во всех местных делах. Вот же пакость. Даже тут не везет – никаких тебе балов, туфелек и придворной свиты. И вместо принца – умерший король.

– Ваше Величество, вы помните, что произошло в опочивальне два дня назад, той страшной ночью?

Я лишь печально покачала головой.

– Смутно. Все бело. В тумане. И очень мерзнут руки, – пришлось соврать максимально расплывчато. – Но я постараюсь припомнить все, даже мелочи.

– Бедное дитя! На вашу долю столько выпало. Но боги улыбнулись, и вы остались в живых. Теперь ваш черед благодарить их. Храм Многоликих радостно распахнет вам свои объятия, когда расследование будет завершено и на трон взойдет новый король. Счастье в молениях и приношениях жертв ждет вас. Многоликие подарят вам покой и освобождение от мирского бремени...

Во как! Меня в монастырь, то есть в храм – невелика разница. Сами на трон. Хорошо придумано. Вроде ни в одной приличной монархии королев так быстро в монашки не сбегивали. Хотя, если подумать, в такой ситуации храм – не худшее. Девушка, в чье тело меня закинуло, избежала смерти чудом. И не факт, что если от храма я откажусь, то убийцы не отправят меня сразу на кладбище. Так надежнее. Не зря же толстяк рассказал мне о той древней королеве. Брачная ночь... А может, она состоялась?

Нужно было осматриваться и действовать. В монастырь мне не хотелось. Даже самой старшей. В конце концов, внесло бы меня в селянку-крестьянку – это одно дело. А тут стать королевой – и сразу же всего лишиться. Мало мне сегодня

Павла с его блондинкой, бедного Карасика и приступа!

– Мне дурно, – еле слышно прошептала я и посильнее навалилась на руку провожатого.

Священник охнул, подхватил меня крепче, чтобы не вздумала упасть, и зачастил:

– Сейчас дойдем, Ваше Величество. Сейчас, осторожно, тут ступень, обопритесь... Не стоит переживать, следовательно сначала дождется вашего выздоровления. Тармель и Гектор не позволят мучить избранницу их покойного брата распросами, когда это может повредить ее здоровью.

– А Ксандр? – почему-то спросила я, удивленная таким точным перечислением. Ведь по правилам хорошего тона беспокоиться за меня должны все три королевских брата.

– Герцог Ксандр... – священник замялся. – Сложный человек. Жесткий. Он не знает жалости. Никакого сострадания. Даже когда сообщили о смерти Его Величества, герцог только приказал принести вина. Не самого дорогого. “Король был средненький, значит, и поминать его отборным сортом не стоит”, и это при всех. Хотя Ксандр и при жизни Джастина сдерживаться нужным не считал. Весь характером в покойного деда-короля, да еще мать-южанка добавила перца в кровь. Остальные-то принцы совсем другого склада. Да и маменька у них, признаться, не сильно горячая женщина, очень сдержанная и спокойная. А Ксандр – четвертый в очереди на престол, хоть и старше всех по возрасту. Грошовый принц – так его дразнили. Принц-бастард.

– Грошовый?

– Да, когда твои три брата рождены от королевы, а ты сам сын бедной дворянки из соседнего Амарта, на которой король так и не соизволил жениться, на многое рассчитывать не приходится. И смирению это не способствует. Однако никто не ожидал, что король Джастин погибнет. Закон диктует нам, что на троне должна править кровь Терлингера. Тех, в ком она течет – трое. Гектор, Тармель и Ксандр. Если бы вы успели зачать наследника... А так кровь наследует по старшинству. Сначала великие герцоги. Гектор первый, Тармель второй. За ними – Ксандр. Потом сын Гектора...

Священник принялся перечислять имена, указывая степень родства. Я слушала очень внимательно и сразу мысленно раскладывала по полочкам.

Великий герцог Ксандр. Бастард. Грошовый герцог. Неудобный всем остальным. Любимец придворных дам. И злейший враг их мужей.

Из всех королевских братьев только у Ксандра прав меньше, чем у стальных. Мало того – он был вдовцом, и у него не нашлось официально признанных бастардов. Наверняка этот герцог – еще тот подарочек по характеру. Когда тебя с детства держат за второй сорт, сложно вырасти добряком.

Но для меня, попавшей в чужое тело, незнакомый мир и средневековую эпоху, такой расклад мог оказаться полезным. Что если взять Ксандра в союзники? И напомнить ему про закон Старых королей.

Еще бы знать, как он выглядит, этот Ксандр.

8. Священник и новое тело

Комнаты, куда меня привел толстяк, были на втором этаже крыла, расположенного внутри замкового кольца. Самое безопасное и самое спокойное место во всем дворце. Было. Пока за стенкой не убили короля и чуть не прикончили меня.

Окна комнат выходили в густой, тенистый парк. Там звонко пели птицы и журчал ручей. Сам парк был крохотный, но уютный. С мощными коричневым камнем дорожками и разросшимися кустами белого шиповника.

А вот сами покои мне не понравились. Здесь пахло страхом и тревогой.

Два приемных зала, один маленький с камином и креслами, второй большой – как гостиная. Спальня средних размеров, ванная, гардеробная и комнатуха для служанки.

На обитель королевы не похоже – камень, резное дерево, темные картины со строгими мужчинами и женщинами. Никаких ваз, статуэток, кружев и лепнины. Суровое средневековье. Словно тут еще недавно располагалась оружейная, и комнаты еще не успели переделать под женский вкус.

В спальне кровать с балдахином из темно-синей ткани, огромная шкура неизвестного серого зверя на полу. Низкие столики на гнутых ножках и стулья с высокими прямыми спинками, на которые даже смотреть неуютно. Книжный шкаф на три полки – на корешках пыль. Здешние слуги со-

всем обленились или в честь траура убираться запрещено?

В спальне было две двери – одна входная и еще одна запертая на вычурный засов с этой стороны, и для надежности грубо заколоченная неструганными досками.

И если верить во всякие невидимые материи, то именно дверь излучала ту недобрую тревогу. Я даже скривилась, но священник понял это по-своему:

– Пока не завершится разбирательство, дверь в спальню короля должна быть закрыта. Академия обещала прислать еще... наблюдателей. Там могли остаться следы произошедшего.

По тону было ясно, что священник магам не доверяет. Где-то я его понимала – до сегодняшнего дня я было четко уверена, что магии не существует.

Забавно, но толстячок, под видом помощи, вместе со мной прогулялся по всем комнатам и даже тайком заглянул под кровать, изображая, что поправил мне подол накидки. Какой любопытный.

– Да, конечно, – я смиренно склонила голову и попыталась незаметно рассмотреть себя в зеркале, которое стояло в дальнем углу – с него сползло скрывавшее стекло покрывало. С того места, где мы стояли, видно было плохо, а разглядывать себя в открытую при толстяке я не решалась.

Но где же прислуга? Где придворные? Фрейлины? И кто там еще полагается королеве?

На низком столике с инкрустацией из перламутра стоял

черненный серебряный колокольчик, видимо, для этих целей. Я подняла его за рукоятку и чуть не выронила. Тяжелый.

Толстяк охотно подхватил и требовательно позвонил.

– Очень странно! Какое пренебрежение. Вы отсылали слуг с поручением?

Служанка, которой полагалось ждать госпожу в своей комнатенке, куда-то запропастилась.

Судя по всему, прежняя обитательница моего тела обзавестись придворными дамами не успела. Складывалось впечатление, что король женился неожиданно и на кандидатке, которая не устраивала всех. За что и поплатился. Знать бы еще, как она выглядит? И чем так зацепила короля?

Отпускать толстяка было еще рано – стоило узнать о себе и этом мире как можно больше и при этом не выдать, что сидеть в здешнем храме до конца своих дней – не потолок моих мечтаний.

Я рассеянно прошлась по комнате, словно в смятении. К зеркалу тянуло как магнитом.

Служанка появилась как театральная примадонна – только после третьего звонка. Блеклая, испуганная конопатая девушка, но в добротном платье, аккуратно причесанная и даже с красивыми бусами из янтаря на шее. Серые покрасневшие глаза бегали, словно она стянула что-то у хозяев и теперь боится, что ее поймают.

Священник приказал ей принести бокалы и вино. Девушка присела в коротком реверансе и бросилась исполнять.

Низкий стол оказался в мгновение ока сервирован на двоих. При виде порезанных на ломтики фруктов и теплого хлеба я сглотнула слюну, но что-то мне подсказывало – брать с блюда хотя бы маленький кусочек смертельно опасно.

Того, что рассказал мне толстяк по дороге, вполне хватило для того, чтобы хорошенько испугаться.

Тот, кто убил короля и чуть не добил королеву, обязательно захочет завершить дело. И яд в этом плане куда надежнее какого-то магического тумана. На престол очередь из троих герцогов и их многочисленной родни, и какая-то чужая королева им не нужна.

Поэтому я взяла в руки бокал, поднесла к губам, но в последний момент, словно раздумав, отставила в сторону.

Толстяк тут же заколыхался, беспокоясь:

– Ваше Величество, вы останетесь совсем без сил. Завтра похороны, и силы вам понадобятся. Гробницы королей место отдаленное, а до самих подземелий придется преодолеть множество лестниц.

– Я постараюсь, – пролепетала я. – Но так больно в груди.

И вздрогнула от грохота – служанка уронила поднос, на котором несла графин с фруктовым морсом и сдобу, и теперь спешно собирала осколки с пола, испуганно не поднимая взгляда.

Толстяк негодуяще покачал головой и успокаивающе дотронулся до моего рукава. В этом месте мне полагалось плакать, потому что я чудом выжившая безутешная вдова.

Пару слезинок выдавить получилось без проблем – стоило вспомнить адскую боль во время приступа и ветеринарку с Карасиком.

Толстяк подал мне тонкий платок, я осторожно промокнула глаза, дав слезам скатиться на щеки. Служанка наконец управилась с уборкой и тихой мышью исчезла.

Я встала, рассеянно прошла к окну, заодно убедившись, что решеток снаружи нет – только толстые ставни и виноградные лозы, карабкающиеся по стенам до крыши.

Дошла до зеркала, отметив, что туфельки у королевы явно не для ходьбы придуманы: прошла всего ничего, а ремешки уже растянулись.

Я, словно случайно, оступилась, прихватив край тяжелого покрывала, и ткань с поверхности зеркала сползла целиком.

– Сейчас, Ваше Величество, я помогу, – всполошился толстяк.

Но пока он вставал из кресла, пока ковылял ко мне, я успела себя рассмотреть.

Зеркало оказалось мутным и зеленоватым – никакого сравнения с привычными современными зеркалами. Посередине на отражении шло искажение, оно раздваивалось. Рассмотреть детали удалось с трудом. Но основное я увидеть успела.

Королева действительно была очень молода. Очень простенькое личико, как у деревенской дурочки. Потому что стоило мне упустить контроль над мимикой, как выражение

у девушки в зеркале стало откровенно глупым – ротик распахнулся, а глаза округлились, как у аквариумной рыбки. Сходство усиливали пухлые щеки и общие мягкие черты.

Но стоило мне напрячься, как выражение лица менялась – губы изгибались в моей улыбке, а бровь иронично ползла вверх. Стоп, вот это лучше придержать!

Я скорбящая королева, у которой завтра похороны мужа, пусть лучше будет вид глупой дурочки. С дурочек спроса меньше.

9. Первая интрига

Собственный возраст радовал и огорчал одновременно – восемнадцать или девятнадцать лет. Я и забыла, что такое быть молоденькой. Но своего родного тела очень не хватало.

Из хороших новостей были: очень густые каштановые волосы, уложенные в сложную прическу. Правда, блеклые, но даже здесь, думаю, не проблема раздобыть крапиву или лен. Темные брови красивой формы – но можно подровнять. Ладная фигура – третий размер груди при узких бедрах, а отсутствие талии благополучно скрывалось корсетом.

Отражение напоминало заготовку, которую еще следует доработать.

Манекена. Куклу.

Соотнести эту девушку в зеркале с собой пока не получалось: я очень давно красилась в платину и про свой естественный цвет волос и думать забыла. Лишние пять кило веса сторожили меня всегда – иногда уходя на год, но всегда возвращаясь. Да и телосложение было скорее спортивное – сильные руки, крепкие плечи и широкие икры. И даже после трех провальных поступлений в универ в восемнадцать лет такого забитого выражения лица у меня точно не было.

Толстяк суетливо накинул покрывало обратно, оглянулся убедиться, что служанка ушла, внезапно схватил меня за руку, крепко сжал. Я отшатнулась, но он легко удержал меня –

в пухлых пальцах крылась недюжинная сила.

– Ваше Величество, будьте осмотрительны: пока престол пуст – вы в опасности. В смертельной опасности. Как только коронуют Гектора, я заберу вас в храм. Но до тех пор будьте осторожны. Вы добродушны и честны, непривычны к столичным соблазнам, боги полюбят вас. Вы станете новой Старшей сестрой, со всеми положенными почестями...

А толстяк-священник не так прост, как кажется с виду. Стелит соломку сразу в двух местах – сначала рассказал про закон Старых королей, теперь про храм. Вот ведь хитрец!

Наверно, где-то там есть прежняя Старшая сестра, которая его не сильно устраивает, а бывшая королева, да еще благодарная за вовремя сказанные слова сочувствия и оказанную помощь – очень полезная штука. А значит, надо подыграть.

Я очень серьезно кивнула и прошептала:

– Я буду осторожна...

И главное, говорила чистую правду. Погибнуть от яда в мои планы точно не входило.

– Завтра днем я сопровожу вас на церемонию похорон, – продолжил толстяк, отпустил мою руку и вернулся в кресло. – Надеюсь, что здоровье позволит вам выдержать ее.

Интересно, а как его зовут. Надо разузнать. Но как это сделать, не вызывая подозрений? Биться головой и терять память сейчас ситуация точно не позволяет. Такой радости всем, кто хочет от меня избавиться, я точно не доставлю.

– А когда новый король... ну станет королем?

– На четвертый день от похорон, Ваше Величество, согласно традиции. Следователи из Академии все эти дни будут разбираться в случившемся – новый король должен быть вне подозрений. Они захотят поговорить с вами завтра. Я думаю, придут утром. Разумно будет согласиться на разговор. Я предупрежу их о вашем дурном самочувствии, – толстяк окончательно вошел в модус доброго дядюшки, мне оставалось только кивать и молчать.

Служанка неслышной тенью скользнула в комнату, держа в руках плоское блюдо с тонко нарезанной рыбой, морковь и хлеб. Осторожно поставила на стол и отошла.

– Когда следователь подтвердит право герцога Гектора на престол, мы отпишем вашему отцу. Хотя, если бы кто-то спросил вашего скромного слугу, я бы сказал, что Тармель куда более дальновидный правитель. И под его рукой Литавия сможет войти в свою золотую эру. Ваш батюшка, помнится, хорошими словами отзывался о торговых сделках младшего брата короля. Но боги распорядились иначе. Я думаю, ваш отец будет опечален. Яков Хромой безусловно один из самых разумных правителей вольного города Харта. Под его мудрым руководством...

Ага, значит, я нечто вроде дочки выгодного торгового партнера. Мезальянс. Не думаю, что короля убили именно по этой причине, наверняка там нашлась еще сотня, но все же – почему покойник вдруг выбрал в жены невзрачную (ес-

ли трезво смотреть на вещи) дочку богатого купца. Неужели только из-за денег?

– Хартские караваны, проходящие через ворота храма, помогут нам восславить величие Многоликих и снизить торговую пошлину. Для святилищ действуют свои законы...

Ага, а вот и вторая причина, по которой толстяк носится со мной как с писаной торбой, – я буду залогом того, что мой батюшка будет исправно гонять груженые добром караваны через храмы, а не через рынки.

Значит, или залог добрых торговых отношений, или брак с герцогом Тармелем. Толстяк предлагает мне только два варианта. Но я буду не я, если не найду третий выход. Терпеть ненавижу плясать под чужую дудку, особенно когда мелодия мне не нравится. Хватит с меня чужих решений.

Священник проговорил еще минут десять, но в основном это были его мечты о том, как расцветет Литавия при мудром управлении Тармеля. Разумеется, новому королю в этой схеме тоже отводилась роль, но скорее как украшению. Толстяк распланировал все наперед и теперь, не стесняясь, рассказывал это девочке, которая так и не стала королевой. Интересно, а что бы сказала настоящая королева? Та, которая пережила сначала свадьбу, потом смерть и покушение? Внутри было тихо, ни отклика, ни шепота. Где бы ни носило душу той девушки, она явно не могла подать мне оттуда знак.

Разбираться с тем, что тут произошло, мне предстояло в одиночку. И хорошо бы помнить о том, что корона на голове

– это куда лучше, чем совсем без головы.

Хотя если мой план остаться королевой провалится (и меня не убьют по приказу одного из герцогов), то место Старшей сестры никуда от меня не денется. Разве что мой батюшка в Харте отдаст концы, и я стану невыгодной жрицей. Но, по упоминаниям священника, отец крепок и как раз пополнил свой гарем двумя новыми женами.

Судя по всему, еще тот весельчак. И лучше бы нам с ним не видеться.

Хотя храм от покушений не страхует. Отравить и там могут. Чую, там гадюшник почище дворцового. И старая Старшая сестра так просто со своей должности не уйдет. Верховные жрицы во все времена были еще теми гадинами.

Но и впечатление о великом герцоге Тармеле у меня складывалось самое неприятное. Чем больше священник хвалил его, тем больше мне казалось, что этот Тармель – хуже не придумаешь.

Наконец толстяк решил, что достаточно меня подготовил – для своей пользы, – встал и очень учтиво раскланялся.

Кроме уже суетившейся вокруг служанки, в зал вошли еще две девушки – тихие и невзрачные – и принялись уносить тарелки, до которых так никто и не дотронулся.

И от моего внимания не ускользнуло, что священник тоже не съел ни кусочка. Да и вина в кувшине не убавилось.

Похоже, что растолстеть мне тут точно не грозит.

10. Гардероб и другие открытия

Теперь предстояло самое сложное и опасное. Разобраться со служанкой.

Потому что обмануть мужчину, даже умного и внимательного, куда проще, чем обхитрить самую глупую женщину. Женщины покруче микроскопов замечают мелочи, и любая ерунда, вроде требования принести молока, а не вина, может меня выдать. А потом: язык без костей, тут шепоток, здесь сплетенка, и пожалует ко мне толстяк обратно с совсем другими вопросами. Хотя доказать, что королеву подменили, будет сложно, но в средневековье сжигали на кострах и за меньшее. А тут на мое место претенденток быстро наберется целый вагон.

Трудностей было две. Я не знала, как служанку зовут. И второе – покруче – я не знала, как зовут меня саму. Поэтому решила сразу играть на все деньги.

Поманила девушку к себе пальцем.

Та приблизилась нехотя и присела в почтительном поклоне. Но присутствовал в этом жесте какой-то изъян, словно издевка. Может, прежняя королева такого и не заметила бы, но я видела ясно. Мне собирались врать. Нагло и в лицо.

– Расскажи мне все, – спокойно приказала я. – О той ночи. Ты же была здесь, когда короля убили?

Служанка явно трясется не просто так, уж очень она ста-

ла похожа на одну из моих стажерок, которая напортачила с клиентом в утреннюю смену и потом не хотела признаваться. Те же бегающие глазки и вид пришибленной мыши. Только у этой за испугом кроется еще и торжество. Плохо.

Похоже, я допустила где-то промашку. Только вот где и в чем?

Рыжая потупилась и зачастила, теряя буквы:

– Ваш Величество, я ничего не знаю. Со мной уже говорили люди, допрашивали. От великих герцгов. Его светлости Трмлю все доклали. Как есть. Но вы же помните. Сами отослали меня тогда, сказали, что покличете, когда потребуюсь... А те две, что вас переодевали – так они и померли, а я не видела ничего. Ушла к себе и сразу уснула. Спала крепко.

Вот как. Количество покойников вокруг меня стремительно увеличивалось. Оказывается, кроме короля, еще две служанки отправились... как там говорил священник – в земли Золота.

И откуда у королевы такая задрипанная служанка? Батюшка приставил?

– Сразу уснула? – я прищурилась. – И ничего не слышала?

Даже если служанка не врет, что я ее отослала, то готова руку дать на отсечение – врет в том, что не подслушивала, наверняка не удержалась и топталась около дверей. И точно что-то видела, но теперь даже под пытками не скажет что.

– Да, Ваше Величество. Ничегошеньки.

Курносый нос служанки печально опустился, и она окон-

чательно стала похожа на провинившуюся стажерку. Значит, вранье. Дальше можно не расспрашивать – упрется бараном и все.

Что ж, придется выяснять у других, что произошло той ночью.

– Хорошо. Пока довольно. Я желаю посетить сад. Немедленно, – как можно тверже сказала я. – И уберите здесь. Я не голодна.

Служанка снова бросила на меня странный взгляд и поспешно кивнула.

Непонятно, нарушала ли такая прогулка этикет или нет – может, королеве в трауре положено рыдать у себя в покоях. Но мне очень хотелось осмотреться, и я была готова рискнуть. В крайнем случае, всегда можно сослаться на здоровье и на то, что голова кружится от духоты.

Служанка проводила меня в гардеробную.

Еще при первом посещении она показалась мне очень скромной – для королевской особы. Возможно, дело в том, что ее величество только недавно переехало в замок и сюда успели доставить только часть вещей? Сплошные вопросы и ни одного ответа.

В дальнем углу комнаты друг на друге громоздились перетянутые веревками сундуки. Какие-то вещи еще стояли на полу в коробах неразобранными.

Служанка сняла с зеркала покрывало, достала строгое темное платье бутылочно-зеленого цвета (видимо, такое по-

лагалось носить при траурных прогулках) и почтительно застыла рядом.

Да, для человека, который привык переодеваться сам, чужая помощь в этом деле была как щуче зонтик. И очень раздражала. Я поднимала и опускала руки, а на меня как на манекен надевали: нижнее платье, подъюбник, нижнюю юбку, корсет, основное платье, накладной шлейф.

Как капуста, только стройная. Удивительным образом все надетое на меня не согревало. Спину охладили металлические вставки в корсете, ноги мерзли в чулках и туфельках на тонкой подошве. Очень хотелось замотаться поверх в одеяло, но это точно бы нарушило весь образ.

Пока чужие руки меня старательно упаковывали, я старалась запомнить, как правильно надеваются все эти вещи и на какую сторону застегиваются сотни крючков и петелек. Особенно пугал корсет – тройной шнуровкой и хитрой системой боковых завязок. Адская штука оказалась: дышать тяжело, наклониться не дает, и все время ощущение, что ребра треснут. А ведь когда-то я мечтала примерить такие платья и ощутить себя восхитительной королевой. Вот, ощутила. Бойтесь своих желаний, они сбываются совсем не так, как представляется.

Служанка быстро разобрала мою прическу, выпустив на волю густые локоны. Королева своими волосами могла гордиться – они падали тяжелой волной на плечи и спускались ниже талии. В моем мире от такой длины была бы одна мо-

рока, а тут в средневековье в самый раз. Как в сказках про Рапунцель. Я провела рукой по шелковистым прядям, пропуская их между пальцами.

Предложенные служанкой траурные украшения оказались восхитительно стильными: черненное серебро с черным же жемчугом. О стоимости такого ожерелья, серег и двух браслетов я предпочитала не думать. Жемчужины были ровные и крупные, как на подбор, идеально круглые, но без блеска. В серебре выглядели богато и со вкусом. Первый приятный бонус от пребывания в чужом теле – в моем мире такие красивые вещи я могла увидеть только на витрине ювелирного магазина.

Волосы служанка забрала в тяжелый узел с помощью неприметных черных заколок и серебряного старинного гребня. К жемчугам он не подходил и смотрелся куда грубее. Словно наследство от бабушки, на которое отворотясь не налюбишься, а носить положено – традиция.

Как я и думала, в обычное время королеве полагалось золото и яркие камни – в шкатулках на специальном низком столике лежали именно такие драгоценности. Особенно потрясло воображение ожерелье с крупными, яркими сапфирами, ограненными в капли. Очень хотелось достать и полюбоваться, но служанка маячила за спиной и уходить не собиралась. Пришлось отложить примерку на потом.

Плащ, накинутый мне на плечи, от первого отличался не сильно – такой же темный плотный бархат, только подол по-

чищен и вместо завязок серебристый шнур.

Я набросила капюшон на голову, желая скрыть не столько лицо, сколько взгляд – стоило хорошенько осмотреться в замке. И запомнить как можно больше.

Ведь если все пойдет по плану, то ночью мне придется в одиночку пробираться по этим этажам, да еще и не наткнуться на стражу. Или у меня все выгорит, или мне светит до конца моих дней торчать в их дурацком храме Многоликих богов. И судя по тому, как тут решаются вопросы – дни закончатся очень быстро.

Я медленно и величаво (чтобы поддерживать образ скорбящей вдовы) шла по пустынным каменным коридорам. За мной семенила служанка, замыкала процессию положенная мне стража.

Сразу трое рослых закованных в железо мужиков, с рисованными дубовыми листьями на нагрудниках. Настоящие великаны. Мелких в гвардии, похоже, не держали.

Мужики позвякивали при ходьбе, и от этого я с трудом сдерживала улыбку. Хоть что-то веселое.

Отсылать прочь стражников и служанку я не решилась. Во-первых, меня могли не послушаться: неясно, кто на самом деле отдает им приказы, и были крупные сомнения, что они подчиняются мне.

Во-вторых, кто его знает, вдруг неизвестный убийца, прикончивший короля, решит разобраться и со мной? Так что пусть звякают.

11. И снова Мряу

Выход в парк находился напротив моих комнат, но чтобы до него добраться, пришлось сначала спуститься по огромной мраморной лестнице: у ее подножия сидели каменные горгульи самого злобного вида, и кажется, внутри них были спрятаны какие-то механизмы. Потом предстояло долго идти по галерее, с которой открывался вид на расстилавшийся внизу город, затем снова оказаться внутри замка.

Тут, похоже, располагались покои кого-то из знати, во всяком случае, откуда-то сверху доносились переборы гитары, звонкий женский смех и лай собак.

Я замедлила шаг, нахмурилась и развернулась лицом к шуму.

Один из стражников, шествующих за мной, поспешил пояснить:

– Это из покоев великих герцогов, Ваше Величество. Горюют.

Значит, стража господ не любит. Полезно знать.

Да, в грянувшем сверху кокетливом женском визге горя было – комара не утопишь. Потом сверху что-то грохнуло, по галерее раздались нетвердые шаги, и показался тот самый. Насмешливый. Со злым взглядом.

Принесла нелегкая.

Прихлебывая прямо из горла, так, что винные капли па-

дали в распущенный ворот рубашки, он тащил на плече расхристанную девицу.

Увидев меня, остановился, оскалился приветственно и даже изобразил шутовской поклон – не снимая своей ноши с плеча.

– Великим герцогам все можно, – пробормотал еле слышно второй стражник.

Ага, значит, это и есть один из королевских братьев. Интересно который. Хорошо бы не грошовый Ксандр. Потому что для моего плана мне до зарезу нужна была ясная голова, а этот темноглазый лишал меня всякого соображения одним только видом. Угораздило же! Как наваждение какое-то. Колдовство.

Может, тут в ходу приворотные зелья или какие-то заклятия? Раз магия существует, наверняка есть ее любовная разновидность.

Герцог нагло улыбался, довольный произведенным на меня эффектом.

Ну и ладно! В конце концов, королева тут я. Хоть и поддельная внутри. А он всего лишь брат моего покойного мужа.

Я ответила на шутовской поклон герцога легким кивком, а потом сказала громко и четко, так что эхо, отразившись от каменных стен, разнесло мой голос далеко по коридорам:

– Главное, не забудьте – здесь траур по вашему брату. Так что медленно и печально.

Служанка охнула и прикрыла рот ладонью. Стражники напряглись и, кажется, даже потянулись к оружию.

Герцог замер, опустил бутылку и тряхнул головой, как большой пес, на которого вылили таз холодной воды. Потом прищурился, словно увидел меня впервые.

Ждать ответа я не стала, развернулась, расправила плечи и продолжила свой путь.

О королеву, даже если ей остается править не больше недели, ноги не вытирают. Будь ты хоть трижды красавец и любимец женщин.

Сад оказался прекрасен, даже в сумерках, которые подкрались, пока мы шли по замку.

Тот, кто его распланировал, обладал великолепным вкусом: узкие мощеные дорожки ныряли в арки из хмеля и плюща, чтобы вывести к небольшому укрытому в тени фонтанчику, а оттуда к укромной беседке, со стен которой свешивались виноградные гроздья. Потом дорожки выводили к круглой мощенной белым камнем площадке около одуряюще пахнущих ночных фиалок и вновь ныряли в тенистый сумрак.

Я выбрала широкую мраморную скамью у выложенного плоской галькой источника. Сразу за ней начинался ажурный парапет, а за ним справа простирался город, который отсюда был виден целиком.

А слева темнело море. Бескрайнее, пахнущее водорослями, солью и удивительно тихое. Над морем низко висели две

луны – одна огромная и фиолетовая, а вторая почти черная на ее фоне.

Совсем иной мир. Абсолютно. Даже небо другое. Но удивительно то, что дышалось мне здесь в разы легче, чем в привычном современном мире. А может, все дело было в чужом юном теле, которое не знало, что такое городской смог и душный офис.

Служанка осталась где-то на дорожках вместе со стражниками, не решаясь нарушить мое уединение.

От города доносились искаженные расстоянием звуки – удары молотка, конское ржание, чья-то ругань. На пристани разгружался огромный парусник – по сходням туда-сюда сновали фигурки с тюками. Ветер принес запах соли и корицы.

Чужой мир. Красивый. Незнакомый.

И я в нем совершенно одна. Без защиты. Да еще и с короной на голове.

На это грех жаловаться – какая девчонка не мечтает стать сначала принцессой, а потом королевой. Но чтоб вот так – сначала умереть, а потом без спроса попасть в чужое тело? Мыслей в голове стало так много, что виски заболели. Очень хотелось домой, потому что сил бороться за саму себя оказалось неожиданно мало. И кого брать в этом бою в союзники – тоже непонятно. Придуманый план начал казаться нелепым и неосуществимым. Очень захотелось расплакаться.

Луны карабкались все выше, на корабле закончили раз-

грузку и зажгли на палубе масляные лампы. Нужно было возвращаться и начинать действовать. Я малодушно дала себе еще минуту на любование морем... И тут услышала его.

– Мряу!

Звук был такой резкий, что галдящие в зарослях кузнечики на мгновение испуганно затихли. Опять мерещится? Или снова пора умирать? Я сдернула с головы капюшон, вскочила с места.

– Мряу.

Второе “мряу” было успокаивающим, мирным. Оно значило – “глупая женщина, не дергайся, я пришел, и все будет хорошо, если ты, конечно, дашь мне курочки”.

Кузнечики снова запели, мелькнула легкой тенью летучая мышь, а я наконец его увидела.

Он шел ко мне, мягко ступая по мраморному парапету. Яркая, блестящая шерсть, какая была в три года после целого лета в деревне и сметанных ужинов. Лапы шагают четко и уверенно – никакой старческой немощи. Усы торчком. Глаза прищурены.

Двойник? Но чтоб так был похож?

Но ведь шрам на ухе – от соседского кота-задиры – никуда не исчез. И приметное пятнышко на груди. И отсутствующий коготь на передней лапе. Таких совпадений не бывает.

Это точно был Карасик – только молодой и здоровый. А главное – живой. словно все, что было в другом мире – ветеринар, капельницы, месяц мучений, – сон. Кошмарный.

Кот невозмутимо подошел ко мне, боднул головой в предплечье, напрашиваясь на ласку, потом недовольно фыркнул, когда я, не выдержав, сгребла его в охапку. Уперся лапами, делая вид, что сопротивляется, а на самом деле устраиваясь поудобнее, и неожиданно лизнул меня в щеку.

– Вот так, киса моя. Теперь точно справлюсь. Мы справимся. Пусть выкусят. А Пашу ты и так на дух не переносил, так что и жалеть не о чем.

Ради себя я бы, может, еще и не стала барахтаться, но Карасик, который верным спутником прошел за мной даже в чужой мир, заслужил долгую и сытую жизнь.

А значит, придется оставаться королевой.

12. Мышь и быт

Служанка при виде кота у меня на руках побледнела еще больше, но ничего не сказала. Может, здесь было не принято таскать на себе бездомных животин, или кошки считались проклятыми – я так устала, что даже не попыталась выяснить. Да и отнять у меня сейчас Карасика не смогли бы даже дюжие стражники.

Непонятно, как сам кот так долго терпел мою стальную хватку. Может, тоже соскучился?

Я донесла его на руках до выхода из парка, но потом он засопровтивлялся, начал выкручиваться, и пришлось его отпустить. Карасик отряхнулся и с независимым видом пошел рядом со мной, степенно, словно придворный, величаво игнорируя стражу и попадавших навстречу слуг.

Пока не увидел мыша – почти у самых дверей в мои комнаты.

Мышь был худой, потрепанный и опытный, замер за дверным косяком, но кот все-таки его заметил.

Такого святотатства на своей территории Карась стерпеть не мог – сначала слился с рельефом, прижав уши, потом рванул за нарушителем и скрылся за поворотом.

Я даже крикнуть не успела. Был кот – и нету. Будто померещился.

Я постояла, подумала, потом решила, что раз уж Карась

ко мне с того света вернулся, то и сейчас не оставит, придет. Поймает мышь и прибежит.

Служанка помогла мне раздеться, спрятала украшения, полила на руки из кувшина теплой воды. Потом повела за еще одну ширму. Там стояла большая металлическая ванна, начищенная до блеска.

Появились еще две девушки с ведрами. Правда, воды почему-то пожалели – ванну налили только на треть. Но зато кинули туда каких-то пахучих листьев и капнули из флакона в виде розы. Постелили на дно белую ткань.

Только спустя пару минут я поняла, что это не для мытья, а для омовения – типа посидел и хватит с тебя. А мыться хотелось безумно – плохой запах из зала, где лежал мертвый король, успел въестся в волосы.

Поэтому пришлось собрать все накопившееся величие и приказать долить воды.

– Еще, до половины.

На меня посмотрели странно, но потом все-таки выполнили. Видимо, посчитали, что королева от таких событий немножко двинулась.

Выдворив прислугу за дверь, я, наконец, залезла в ванну и сразу поняла, почему мое желание сидеть в ней дольше необходимого вызывало у прислуги удивление – вода была едва теплой. В сочетании со сквозняком от каменных стен удовольствие купание приносило сомнительное.

Кое-как оттерев себя от мерзкого запаха и стуча зубами

от холода, я прошла в спальню. Хорошо, хоть служанка догадалась растопить камин, но почему-то забыла закрыть окно. Дрова почти догорели, но от углей шел поток тепла.

Кто-то поставил на столик перед кроватью поднос с фруктами, чашку ароматного травяного чая и какие-то мелкие печеньки. Пришлось сглотнуть слюну и отвернуться: пить из самой распоследней канавы в городе было безопасней, чем съесть хоть крошку с этого блюда.

Укутавшись в сташенное с кровати покрывало, я села перед камином и стала рассматривать книги, которые нашла в шкафу при входе. Книжки оказались очень разные – потрепанные и новые, с хитрым замком на обложке и простенькие...

Один толстенный талмуд наверняка был чем-то вроде священного писания – никаких картинок, только причудливые символы, тесные мелкие строки и строгие заглавные буквы.

Читать на незнакомом языке оказалось странно. Впрочем, если говорила я на нем, сама того не замечая, то и чтение было процессом почти естественным.

Крупные буквы медленно складывались в слова, смысл которых становился ясен, но не сразу. Я словно смотрела на строчки через толстое бутылочное стекло.

Видимо, королева читать умела, но не любила, и это тугодумие и медлительность досталось мне вместе с телом. Давалось чтение тяжело, словно я расшифровывала головоломку и смысл понимала через раз. Правда, с каждой строчкой

дело шло лучше.

После трехминутных стараний я прочла первый огромный абзац. Многоликие боги, создающие мир. Сначала пришли они и создали все вокруг. Потом за ними последовали верные жрецы и доделали остальное, а заодно решили разъяснить народу, как правильно понимать богов. И куда нести жертвы. Построили святилища. Похоже, в одном из таких храмов мне и было уготовано место главной жрицы. На алтарь меня там класть не собирались, но, судя по строгости и идиотизму всяческих правил (например, не носить зеленое в пятый день месяца), жизнь в служении Многоликим была не сахар.

Зато две другие книжки явно были развлекательными романами – с картинками, цветными буквами в виде чудовищ и даже движущимися полосками. Правда, там через страницу кого-то ели, жгли и распиливали, но как-то без огонька, со скучающими лицами. Почти дочитав до конца, я поняла, что речь шла о какой-то магии. Неправильной. За которую главному герою и досталось. Книжка была то ли детской, то ли для поучения отроков, однако информацию содержала ценную – выходит, не всякая магия тут поощрялась, за некоторые вещи могли и четвертовать.

Когда я захлопнула книжку, за дверью раздались легкие шаги. Словно кто-то не хотел, чтобы его слышали, но несовершенная обувь выдавала своего владельца.

Я затаилась, на всякий случай беззвучно взяв со стола

массивный подсвечник.

Кто-то подошел, постоял, но входить не стал, потом снова тихие шаги и стук двери приемного зала. Похоже, служанка отправилась к себе – для мужчины шаги были слишком легкими.

Может, и к лучшему. Не нравилась она мне. И взгляд у нее остро и неприятно напоминал то, как пялилась на меня Пашина любовница.

Выждав еще немного, я решила осмотреть комнату.

Над кроватью слева висел толстый шнур. Он вел к колокольчику в комнате прислуги и заменял тут телефонную связь. При необходимости стоило подергать, и к тебе сразу прибегут на помощь.

На всякий случай я посмотрела, куда тянется веревка, и обнаружила, что она испорчена – шнур обрезан у самого основания. То есть случись что – помощи можно не ждать. Хотя интуиция мне подсказывала, что даже будь колокольчик в порядке и позвони я в него – не факт, что ко мне бы поспешили.

Странные служанки, намеки от священника, еда, которую не стоит есть... Теперь вот испорченный шнур. Вот так дела!

Последнюю книжку пришлось оставить на утро. Выждать дальше смысла не имело. Нужно было действовать.

Взяв со стола лампу, оставленную служанкой, я прошла в гардероб. Натянула обратно прогулочное платье, прокляв всю тысячу крючков, на которые оно застегивалось. Корсет

завязала слабо – лишь бы держался, а на талии прихватила дополнительным поясом, чтобы не расходилось.

Теперь нужно было привести эту юную королеву в боже-ский вид. И не только в приличный, но и соблазнительный. Очень странно было смотреть в отражение, понимая, что это теперь ты. Ты, а не чужая девчонка с испуганными глазищами и пухлыми щеками.

Надевать корону на ночную прогулку было опасно: тяжелая и на голове держится слабо. Упадет – грохота будет на ползамка. А для знатной дамы выходить на люди без украшений – все равно что ходить голой, это я по книжкам помнила. Так что даже на тайную вылазку придется наряжаться.

Я тремя костяными шпильками забрала волосы в легкий пучок, накинула сверху цепочку с прозрачным камнем, которая не имела застежки и была слишком мала, чтобы пролезла голова. Забрала пучок тонкой сеткой с мелкими жемчужинами – получилось красиво и удобно.

Теперь стоило как следует рассмотреть себя в зеркале и понять, что я могу исправить на скорую руку.

– И что в тебе нашел король? – спросила я свое отражение.

Да, девушка оказалась простовата, и монарший выбор вызвал удивление. Пара сеансов у косметолога, хороший макияж и месяц диеты вполне спасли бы ситуацию, но в замке не было ни первого, ни второго. Единственное, что мне тут радостно обеспечили, так это третье – живот уже подводило от голода.

Порыскав по ящичкам столика, я нашла примитивную косметику – какой-то тонкий уголь, сажу, розовую мазь в баночке, белила и толченый перламутр. Уже что-то.

Через пару минут на меня смотрела вполне привлекательная барышня, которую я так и не привыкла еще считать собой: глаза, подведенные темными тенями, раскрылись удивленно, ресницы удлинились, щеки, наоборот, потеряли округлость и стали бледнее, а губы – полнее и ярче. На свету такой макияж смотрелся бы плохо, но в полумраке ночного замка вполне годился.

Из украшений я выбрала самые легкие округлые серьги, чтобы не мешались. Кольца, наоборот, сняла. На шею накинула толстую цепочку с синим камнем – в нем словно кусок тумана заперли, так он переливался и клубился внутри.

Взвесила в руках ожерелье с сапфирами, к которому тянуло как магнитом, и сожалением положила его обратно. Слишком тяжелое.

На ноги надела плотные потертые ботиночки, то ли попавшие в гардероб по ошибке, то ли принадлежавшие служанке. Они были чуть широковаты, но куда лучше спадающих на ходу непрочных туфелек.

Накинула плащ с капюшоном, взяла в руки лампу. Готова?

Вот и хорошо, девочка. А теперь пора вытащить нас с тобой из этой задницы, в которую нас кто-то засунул. Совместим твою невинность, если она у тебя осталась, и мой опыт.

Ох и бомба будет...

Проблем было две – пройти мимо служанки так, чтобы она не проснулась, и миновать стражу на дверях, ухитрившись убедить их оставаться на месте. Свидетели этой ночью были ни к чему.

С первой задачей я справилась. Сжав ботинки в руках, призраком проскользнула мимо комнаты прислуги – там царил тишина.

Я толкнула тяжелую створку, заранее готовясь к тому, что придется выкручиваться, чтобы стража не увязалась за мной. Но за дверью было пусто. Вернее, там сидел Карась и смотрел на меня так, как могут смотреть только кошки – как на недалекую, но все же любимую хозяйку.

Я огляделась – никаких стражников. Странно, ведь священник говорил, что меня должны охранять круглые сутки.

Но что бы ни происходило этой ночью, пока оно играло мне на руку.

– Пойдем, наглая морда. Проверим, хорошо ли я запомнила дорогу.

До лестницы, ведущей на второй этаж к покоям великих герцогов, я добралась без приключений. Дорогу я запомнила – поворот налево, прямо и направо по узкому коридору в общий холл.

Дважды пережидала, пока по коридору пройдут стражники. Карасик ухитрялся их услышать заранее, муркал тревожно, и я успевала спрятаться в ниши, где стояли то каменные

вазы, то статуи все тех же горгулий. Вблизи страхолюдины выглядели еще страшнее, но выбора особо не было.

Шум веселья, доносившийся со второго этажа, уже стих, однако на лестнице валялись обрывки каких-то тряпок, ножны, осколки толстого стекла и глиняные черепки.

Гуляли тут от всей души, с размахом. Похоже, что смерть короля Джастина в этой части замка стала доброй вестью.

От большого круглого зала, в середине которого сидела горгулья (опять!), расходились три широких коридора. Герцогов трое. Кто из них Грошовый наследник без надежды на корону? По какому коридору идти?

Карасик подсказывать не спешил, заинтересовавшись разлитым по полу вином, около которого виднелись следы мокрых мышинных лапок.

13. Великие герцоги

Я подошла к левому коридору, но меня остановили голоса, которые раздавались из правого.

– О, ну уж ты своего не упустишь, Тармель! Небось сейчас жалеешь, что тогда спас меня на охоте. Ты ведь проткнул того кабана, который загнал нас в пещеру... Раз! Один удар. И все. Я помню, – голос был пьяный, путал слова, то и дело переходил с шепота на крик.

– Пойдем, Гектор. Я зверски устал и хочу спать. Эти бабы кого угодно доведут до гроба. Как Джастина. Хотя вроде все сделал правильно. Всех обманул. Сколько ему принцесс возили, а? А он нашел себе родовитую, тихую, спокойную овцу. Я всю свадьбу думал, что она немая. А Джастин получил лишний порт и все деньги Харта. И караваны.

– И помер. Я знаю, знаю... это она его убила. Хартская ведьма. Уууу... зараза! Один вред от них. Вот эта, которая тут вертелась... в красном...

– Баронесса?

Собеседник срифмовал неприлично и сам над своей шуткой заржал.

– Да, она. Думает, если залезет ко мне под одеяло – станет королевой. И все... Будто бы я баб в своей жизни не видел.

– Гектор, твоя голова ждет корону. Я понимаю всех этих... Баронесса была слишком настойчива, но она весьма

любвеобильна, и я бы на твоём месте...

– Предлагаешь мне жениться на той, которая танцевала перед нами на бочке с вином?

Раздался взрыв хохота.

Оба герцога наконец показались из-за поворота. Хорошо, что я успела укрыться под широкими крыльями горгульи и задуть лампу.

– Нет! Это же невеста Ксандра, не хочу перебежать ему дорогу.

– Тармель, ты перешел ему дорогу в тот момент, когда родился.

Тот, кого называли Тармель, был высок, светловолос и хорошо сложен. Единственное, что его портило – короткий словно срезанный подбородок. На правой руке не хватало двух пальцев – большого и указательного. Увечье было старым и герцога не беспокоило – он небрежно размахивал рукой, поясняя каждое слово.

– Гектор, что за глупости приходят тебе в голову после четвертого кувшина вина? Назначь баронессу придворной дамой, и она будет стеречь твою будущую супругу лучше, чем все овчарки Горного княжества. И донну Амалию тоже. Пусть обе сомневаются в твоей благосклонности и не чувствуют себя уверенно. Они будут слишком заняты борьбой друг с другом, чтобы серьезно навредить королеве, и при этом не выпустят ее из поля зрения.

– Ты всегда был кладезем хороших идей, Тармель. И все-

таки – не жалеешь, что спас меня?

– О, да ты напился больше, чем обычно. Ты опять про ту охоту?

– Да, братец. Глядишь, придержал бы пику – и сейчас при-
мерял корону.

– Нет. Кому тут жалеть, так это Ксандру – ведь это он услышал камнепад и прискакал к пещере, в которой нас за-
валило. Мог проехать мимо, мог сделать вид, что не слышал. Мог не разбирать завал, сказав, что наша гибель – дело бо-
гов. И Джастин бы его послушал...

– Вечно ты все сводишь к нему. Ксандр то, Ксандр се! Он тогда выслуживался перед Джастином, а не нас с тобой вы-
таскивал. Между прочим, баронесса сначала тоже липла к
нему, пока он не выбрал себе эту танцовщицу из борделя.

– Ты ревнуешь, а королю не к лицу ревновать...

– Я еще не король, Тармель. Но это дело времени. Харт-
скую ведьму в храм, тебя в советники, Ксандра – послом к
соседям. Пусть в Горном княжестве овцам хвосты крутит.

Великие герцоги, пошатываясь и поддерживая друг дру-
га, медленно прошли мимо меня. От них за два метра несло
вином, сладкими духами и терпким потом. Я зажала нос –
от таких ароматов на голодный желудок меня мутило.

Значит, великие герцоги тоже имеют свои тайны. Выхо-
дит, Тармель когда-то спас Гектора, а Ксандр выручил из бе-
ды их обоих. А вот покойного Джастина, похоже, все не лю-
били в равной степени.

Хорошие новости состояли в том, что теперь я знала, кто из герцогов как выглядит. Плохой новостью было то, что великий герцог Ксандр, на которого я так рассчитывала в своих планах, оказался тем самым насмешливым и высокомерным козлом.

При мысли о котором сердце делало лишний удар, а в солнечном сплетении начинало жечь. Вот же беда! Нашла время.

В мое укрытие просунулась серая кошачья морда и вопросительно муркнула, оглядываясь. Правильно, чего я тут сижу, не просто так же, может, у меня тут мышей много?

Шаги герцогов стихли, потом грохнула засовами дверь и раздался взрыв хохота, уже приглушенный. Я подождала еще пару минут, но вокруг стояла тишина – только потрескивали факелы и где-то назойливо свистел сквозняк.

Дверь в покои великого герцога Ксандра была приоткрыта, в коридор падал луч бледного света. Я прислушалась – ни звука. Сложив на удачу пальцы, я скользнула в щель и осмотрелась.

Да, тут явно праздновали. С размахом.

На дубовом столе валялись пустые кувшины, два из которых были разбиты. С края столешницы капало на пол, и внизу уже набралась целая красная лужа. На большом блюде лежали остатки мяса, хлеба и чего-то белого – кажется, овечьего сыра.

Два больших стула опрокинуты, на них кучей громоздят-

ся тряпки, похожие на женские платья, только рваные и промокшие от вина.

Картины на стенах перекошены, словно специально. Портрет покойного короля так и вовсе исчиркан углем – на нем нарисовали мишень. В ее центре вызывающе торчал короткий нож.

Четко во лбу. Братская любовь – она такая.

В широко распахнутое окно врвался теплый ветер и стегал тяжелой занавесью по уже опрокинутой вазе с цветами.

Пахло тут вином, горелым мясом и дымом из почти погасшего огромного камина, в котором тлели книги вместо поленьев. Толстая бумага горела неохотно, сильно чадила и воняла.

Над камином висел портрет женщины – темноволосой, с тонкими чертами лица и в синем атласном платье. Под ним тлела лампадка и лежали засохшие цветы.

Голодный живот напомнил о себе резью, а в пересохшем горле сразу запершило.

Пока никто не видит, я схватила один из кувшинов со стола. Повезло, в нем как раз была вода, чтобы разбавлять вино. Божечки, как же мне хотелось пить. И есть. С этого стола угощаться точно было безопасней, чем взять хоть крошку того, что принесла мне служанка.

Я съела уже надкушенный кем-то ломоть хлеба и срезала ножом немного мяса. Хлеб оказался очень вкусным, да и мясо тоже – несмотря на то, что куски местами подгорели.

Жаль, что есть приходилось очень быстро и чуть ли не давясь, чтобы не застали на месте преступления. Что может быть забавнее королевы, которая тайком подбирает объедки с чужого стола?

Где-то в глубине покоев звякнуло. Карасик насторожился.

Пришлось напомнить себе о том, зачем я сюда пришла.

14. Ксандр

Многочисленные дамы сердца и других органов, которые тут явно присутствовали раньше, то ли расплзлись по другим комнатам, то ли их просто выгнали – непонятно. Скорее второе – по дороге через залы никого живого я не нашла, хотя тут должно быть темно от слуг, убирающих беспорядок. Похоже, герцоги под конец кутили только вдвоем. Странно, как они друг друга не поубивали, с таким-то нежным семейным отношением.

В библиотеке тоже царил жуткий беспорядок: все перевернуто вверх дном, и опять в камине тлеет какой-то талмуд. На полу лужа, в ней скомканное покрывало и сверху выдранный из рамы холст, на котором еще можно различить женский портрет – девушку с черными волосами с блестящими в них жемчужинками. Между женским портретом над камином и этим прослеживалось явное сходство.

Карасик брезгливо обошел беспорядок и нырнул за занавесь, закрывающую проход в следующий зал. Похоже, что именно там находилась спальня.

Чуть меньше предыдущих комнат, с окнами, выходящими все в тот же маленький парк, только на ту его часть, откуда я любовалась городом.

Тут пахло дымом, вином и еще чем-то пряным, едва уловимым.

На стенах висели звериные шкуры. Судя по размерам – животные тут обитали не маленькие, а если судить по клыкам, то расставаться со шкурами добровольно они вряд ли соглашались. Только вот определить, что это за звери, у меня не вышло. Трофейные головы тут на стены не крепили. Кто-то серый, мохнатый и зубастый, и кто-то черный, гладкошерстный и с когтями с ладонь.

Разгром в спальне царил чуть меньший – видимо, сюда веселье переместилось только под конец попойки, и как следует разгуляться благородные господа не успели. Но тут повсюду валялись оружие и доспехи. Сломанный манекен в углу наглядно показывал, откуда все это железо упало.

Пришлось ступать осторожнее, чтобы не наткнуться и не выдать себя грохотом.

Свечи в большом канделябре на столе почти догорели, и воск капал прямо на россыпь пергаментов. Чертежи, какие-то сложные схемы. Похоже на планы крепости.

В спальне еще сильнее пахло вином, разогретым металлом и почему-то корицей.

Я осторожно прошла дальше, миновала широченную устланную черными шкурами низкую кровать и наконец обнаружила ее хозяина.

Да, тот самый. Который сначала облил меня презрением под видом сочувствия, а потом еще и удивлялся ответу.

Герцог Ксандр. Ухитрившийся за пять секунд и пару слов вывернуть мне наизнанку сердце и даже этого не заподо-

зреть.

Я застыла, засмотревшись.

Герцог спал, развалившись в широком кресле. Голова запрокинута, черные волосы расплетены и растрепаны, белая рубашка распахнута так, что виден медальон на толстой серебряной цепочке и серебристое кольцо рядом. Грудь мерно вздымается от спокойного дыхания.

Я осторожно обошла кресло, перешагнула через вытянутые ноги герцога, стащила с кровати одну из подушек и усеялась у камина. Дрова в нем уже прогорели, но камни еще оставались теплыми. В топке кружились на сквозняке легкие перышки пепла – от очередной сгоревшей книги.

Прежде чем будить эту беду, следовало окончательно определиться с тем, что и как я ему скажу. Я прикусила губу в раздумьях, но долго рассиживаться мне не дали.

Не открывая глаз, герцог произнес медленно, словно обдумывая каждое слово:

– Крутые времена нынче настали. Как тропа к горному перевалу. Короли умирают на пороге, не исполнив супружеского долга. Королевы ночами ходят по чужим спальням. Что, крошка, ищешь того, кто доделает за короля его работу?

Я вздрогнула – голос у герцога оказался еще более хриплым, чем раньше. Пугал и завораживал одновременно. То, что меня встретят оскорблениями – ожидаемо. Странно, что он так слабо удивлен моему приходу.

Однако его светлость отлично владеет собой. Значит, не

настолько подвержен гневу, как хочет показать другим.

Впрочем, отступить было уже поздно – я в его спальне, и если сейчас не смогу найти нужные слова, то в ближайшие дни окажусь либо в храме, а потом в могиле, либо сразу на кладбище. Еще был непривлекательный вариант с герцогом Тармелем, но вся интуиция прямо кричала мне о том, что блондин, ставший регентом, меня сведет под плиту куда быстрее, чем жрецы и молебны.

Так что или пан, или пропал.

Тем более что с герцогом Ксандром, как с диким зверем – нельзя показывать свой страх поворачиваться спиной. Загрызет. И будешь тут, на стенке, как остальные трофейные шкуры...

– Умение предвидеть – признак хорошего правителя, – тихо, но четко сказала я.

Герцог лениво приоткрыл глаза и посмотрел на меня взглядом тигра, который слишком сыт, чтобы сниматься с места ради худой оленюшки. В неверных трепещущих отсветах его глаза казались не черными, а темно-янтарными. Как у животного. Опасного и хищного.

– Да, однако в первый раз я подумал, что ослышался и это вино шумело в ушах. Я не правитель, чужая крошка из чужого города. Я бастард давно подошедшего короля. Меня мало волнует вся эта грызня. Гектор, Тармель... кто кого и когда. Но мне любопытно другое: из всех невест Джастина ты самая серая... и скучная. Ни красоты, ни очарования, ни стра-

сти. Не пойму, почему он выбрал именно тебя. Все равно что спать на сундуке, когда рядом стоит мягкое ложе. Может, твой папаша обещал ему в прикуп весь свой гарем? Скажи, когда их привезут.

Хамит. Выводит из себя. Мало того, не так пьян, как при-
творяется. Для пьяного герцог говорил слишком ровно и легко. Вот его братцы хорошенько набрались, а тот, что сидел передо мной, врал. Virtuозно.

Возможно, будь я той самой восемнадцатилетней дурехой, о которой он говорил, я бы на такое купилась – небрежность во всем, обманчивая расслабленность, даже кубок с вином того и гляди из руки вывалится...

Но я видела этого восхитительного поганца насквозь. Он сторал от любопытства, и причиной этого была я – вся такая серая и скучная.

– Приznak хорошего правителя или хорошего регента, – упрямо закончила я.

Вот оно. Герцог напрягся – едва заметно для глаз, но все же. В глазах зажегся даже не огонь интереса, там запылало пламя лесного пожара.

В точку! Я поставила на правильную лошадь. Точнее жеребца – дикого, злого и чертовски опасного.

15. Кто королеву ужинает...

В удачу, да еще в такую, верилось слабо. Но тут риск стоил всего. Если я заключу союз с Ксандром, то смогу сохранить трон за собой. И уже потом спокойно разобраться, что к чему в этом безумном мире.

Герцог сдержался, придал своему лицу выражение вежливого интереса, но наклонился всем телом вперед, так что серебряный медальон скользнул по смуглой груди и скрылся в вырезе.

Я с трудом отвела взгляд.

Проклятый герцог на вид был как дьявольский соблазн. А меняться ролями и превращаться сейчас в загнипнотизированную питоном мышку было нельзя. Это герцог должен играть по моим правилам, а не я по его.

Пришлось живо припомнить все гадости, которые случались со мной за последнее время: от разбитого телефона до мерзких слов Паши. Помогло.

Я взяла витую кочергу, украшенную орлиной головой, помешала пепел в камине так, чтобы показались еще алые угли, и положила сверху поленья.

Герцог, как и большинство красивых мужчин, терпением не отличался, стоило мне перестать на него смотреть, как он тут же заговорил:

– Кто тебе проболтался? Тармель? Но Джастин не успел

тебя... Это всем известно. Его ведь нашли...

– На пороге спальни. Но в спальню можно входить, а можно из нее выходить. Я вот уверена, что даже злое колдовство не смогло стереть из моей памяти той единственной, но прекрасной ночи с Его Величеством...

Я силком себя остановила, понимая, что меня несет на все деньги и еще немного – и я отсыплю герцогу его же иронии с горкой. И еще чем-нибудь сверху припечатаю, а Ксандр совершенно точно относился к породе тех людей, которые смеются только над своими шутками и готовы хребет вытащить тому, кто посмеет пошутить над ними.

Ксандр прищурился, снова откинулся в кресле. Черт, и кто тянул меня за язык!

– И вы, Ваше Королевское Величество, уверены, – голос у герцога стал холодным, как туман с болота, – что сумели зачать ребенка? В таком случае, что вы делаете здесь, в паре футов от моей кровати? Скорбите по Джастину?

И вот тут настал момент, чтобы выложить козыри. Какие есть. А их было ох как небогато. Потому что я не помнила этой проклятой брачной ночи и ничего не могла сказать про покушение. Зато могла блефовать совершенно без оглядки.

Признаться честно, раньше, в нашем комфортном современном мире, я безумно боялась предстоящих родов и всего того, что с ними связано. Боялась не справиться, сделать что-то не так, оказаться неправильной матерью. Поэтому, может, у меня и не получилось ни с кем дойти до той стадии, когда

противозачаточные таблетки выкидывают в мусорку.

А теперь, если хочется жить и носить на голове ту красивую безделушку с рубинами, придется родить – в мире, где нет ни акушерок, ни антибиотиков, ни стерильных боксов. Зато здесь есть магия, непонятные боги и до зубов вооруженные герцоги, которым я как кость в горле.

– Женщины – загадочные существа, герцог Ксандр. Плюс неделя, минус неделя. Дети появляются на свет, когда этого хотят боги.

Ксандр был сообразителен – наверно, тому, кто медленно думает, во дворце было не выжить.

Выражение его лица из хищного и злого стало задумчивым, а потом губы изогнулись в горькой злой усмешке. Он прищурился и отпил из кубка, окинув меня поверх него снисходительным взглядом.

– Закон Старых королей. Забавно. Кто тебе сказал? Только не пой мне, что в хартском гареме твоего отца изучают историю Литавии вместо танцев и блуда.

– Книги. В них есть многое. Я люблю читать.

А вот теперь герцог почему-то разозлился. Вспышка ярости была краткой, но такой искренней, что мне захотелось оказаться как можно дальше отсюда и чтобы меня и этого бешеного быка с налитыми кровью глазами разделяли не пара метров, а пара толстых каменных стен.

– Книги! Когда я пьян, я топлю книгами камин, – тихо и яростно проговорил он. – Мне нравится, как они горят.

И словно в подтверждение нашел рядом с креслом алую книжку, тисненную золотом, и отправил в короткий последний полет.

– А когда трезв, приказываю купить как можно больше этой гадости, чтоб было чем топить камины, когда хочется выпить!

Я промолчала и только поправила бедняжку на поленьях, чтобы она сгорела как можно быстрее и напустила бы меньше дыма. Надо же, не предполагала, что упоминание такой безобидной вещи как чтение способно разъярить Ксандра. Что-то тут нечисто. Явно замешано прошлое, и абсолютно точно – не радостное.

– Тот, кто напомнил мне про закон, хотел, чтобы я пришла в другую спальню, – рискнула намекнуть я. – Или чтобы пришли ко мне.

Сдавать толстяка было не стыдно. Он соловьем заливался про герцога Тармеля – и что тот не женат, и нравом скромн, и бастарды у него живут в отдалении, и богов чтит. И никто не сравнится с ним в игре на чем-то там со струнами и пении баллад. Чистый ангел, если они тут водятся – только не хватает крыльев и нимба.

Готова поставить корону на то, что священник и Тармель уже сговорились и завтра совершенно другой герцог должен был прийти в мои покои с предложением, от которого невозможно отказаться. Но что-то подсказывало – тот блондин со скошенным подбородком мне не защита. Переступит и ноги

вытрет. Или отравит. Да и от короны его отделяет не двое, а один человек. А короли тут умирают быстро. Как и королевы.

– Вседержитель храма Многоликих Фабо. Предсказуемо. Это он рассказал тебе про закон. Ты в своем занюханном Харте и знать не знаешь про наши легенды. И читаешь хорошо если два слова. Значит, это играет в свои игры старый воючий обжора. Так почему ты здесь, маленькая королева? – герцог подобрался и стал серьезен. – Почему не пошла к Тармелю?

– Ты –Groшовый герцог, – я решила, что смысла соблюдать этикет уже нет. С Ксандром нужно было играть грубо и прямо, но не забывать придерживать нож за спиной. – Между тобой и тронем два брата. Судьба не любит повторений, и вряд ли великие герцоги разом погибнут на охоте. А если так случится, то от славы братоубийцы ты не отвяжешься. Если ты станешь регентом при королеве и ее сыне, то сможешь править страной на законных основаниях. И никто никогда не посмеет обвинить тебя в нарушении закона.

– Править, пока не вырастет твой сын? – Ксандр недобро наклонил голову, словно упрямый бык.

– Твой сын, – одними губами поправила я.

Герцог резко откинулся в кресле, отшвырнув в сторону бокал. Теперь он точно походил на быка, взбешенного. Ноздри раздувались, упавшие на глаза волосы прилипли к вспотевшему лбу. Ироничная улыбка превратилась в оскал.

Мне оставалось только ждать, пока он сделает выбор.

Между недостижимым орлом, который потребует в жертву двух братьев, и синицей, которая сама пришла к нему в спальню.

16. Проверка на прочность

– Прежде чем дать ответ, я должен удостовериться, что ты пришла по доброй воле. Что тебя не подослали Гектор, или вседержитель Фабо, или маги Академии.

Ксандр злился. Злость шла ему. Сразу легко представлялось, как он с той же ироничной усмешкой убивает противника на дуэли или подливает яд в бокал. Кстати, еще неясно – есть ли тут дуэли. Хотя мужчины одинаковы везде, а значит, они дерутся между собой.

– Фабо рассказал мне про закон Старых королей, – кивнула я. – Но мне показалось, он так и не решил – нужен ли ему на троне твой брат Тармель или он и при старшем Гекторе будет в фаворе. Если ты хочешь честности, то я тоже ее хочу. Расскажи мне, почему убили короля?

– О, это знает каждая крыса в порту, девочка. Короля убили потому, что кто-то захотел стать королем. Проще некуда. Фабо трус, но осторожный. Если он рассказал тебе про закон... Впрочем, ненавижу ходить вокруг да около.

Герцог встал из кресла столь резко, что я поборола желание отшатнуться. Теперь, когда я могла внимательнее разглядеть его в полный рост, приходилось признать – для изнеженного аристократа в брате моего покойного мужа многовато мышц и жил. И ни грамма жира от легкого образа жизни.

Широченная шея, на которой с трудом сошелся бы ворот, не менее широкая грудь, мощная спина и высокий рост. Когда герцог заговорил со мной в первый раз, он согнулся в поклоне, и только теперь я поняла, что он выше меня на голову.

Ксандр небрежно вытащил ящик темно-вишневого бюро, стоящего в углу, и вытряс содержимое на столешницу. Потом второй, третий.

Выгреб из кучи шелка, металла, бумаг и украшений круглый стеклянный флакон и какой-то камень на подвеске и вернулся ко мне. В кресло садиться не стал – опустился рядом у камина, кинув себе под ноги меха.

– Вот это тебе нужно выпить. Маги брехали, что глотка достаточно. Но на кону моя шкура, так что будьте так добры, ваше провинциальное величество, выпейте все до дна.

– Что это? Как оно действует? – спросила я.

– Оно покажет, нет ли на тебе чужой воли. Магического ошейника. Потому что для хартской дуры ты чересчур быстро соображаешь, а для умной и дальновидной королевы у тебя происхождение не подходит. Умелый маг может говорить твоим ртом и совершать твоими руками то, о чем ты потом и не вспомнишь. Дергать, как куклу за веревочки, а потом разом их оборвать, когда поймет, что сам в опасности.

Ну да, актуально. С учетом того, что для бедной королевы я в ее теле – точно абсолютно чужая. Как тот самый маг-кукольник. Только вот пить незнакомые зелья я точно не собиралась.

Поэтому коротко вздохнула, поправила завязки накидки и приготовилась встать:

– От братьев моего покойного мужа я не приму воду, даже если буду умирать от жажды. Если хочешь проверить эту дрянь – пей ее сам. Если тебе не нравится мое предложение – я ухожу.

– К Тармелю? – Ксандр предсказуемо вспылал, схватил меня за запястье и сжал до боли.

– К себе. А твой брат, если у него есть хоть капля мозгов, сам придет ко мне. Завтра. До того, как в мои двери постучит следователь Академии.

Герцог замер, только пальцы на моем запястье сжимались все сильнее – словно стальной наручник. Выдох, вдох, и Ксандр взял себя в руки. Лишь жилка на виске продолжала биться в бешеном ритме, показывая, насколько он вне себя. Вот же темперамент!

Дразнить Ксандра было восхитительно, сердце замирало, а потом начинало биться еще быстрее.

– Это простая, проверенная магия...

– Нет, ничего не бывает просто, если оно связано с магией, – наугад сказала я, но похоже, что попала в цель. – Тебе придется верить мне на слово. Ты прав, Фабо рассказал мне о законе, но забыл упомянуть одну мелочь. Та история случилась давно, верно, герцог? Сколько лет назад?

– Более трехсот.

– Магия с тех пор стала сильнее? Появилось что-то но-

вое? – спросила я, потому что если моя догадка верна, то весь план летит к Карасику под пушистый хвост. Хотя священник бы точно не стал рисковать, но уточнить стоило.

– О чем ты, маленькая королева? – Ксандр нахмурился. Но руку мою так и не отпустил, даже подсел еще ближе.

– Маги могут узнать, кто отец ребенка?

Я чуть было не брякнула про ДНК, но вовремя прикусила язык.

Ксандр сначала моргнул непонимающе, а потом расхохотался, запрокинув голову. На шее напряглись жилы, а полы рубахи окончательно разошлись, открывая широкую грудь. Слева под сердцем у герцога была татуировка – дубовый лист.

– Вот удумала! Все-таки в какой дыре тебе держал твой папаша?! Странно, что ты вообще умеешь читать и писать, – герцог так же резко перестал смеяться, а в глаза вернулся прежний злой огонь. – Нет, моя дорогая. К счастью для вашего несносного племени. Никто, кроме женщины, не может сказать, от кого она понесла. Это магия крови. Высшая. А магия крови под запретом. Под страхом четвертования. Может, где-то на отдаленных островах и есть, как поговаривают, Орден Дракона, который владеет ей, но тут, в Литавии, даже за один намек на такую ворожбу можно лишиться головы. Если бы магия крови была в ходу, мои дорогие братцы уже сто раз как избавились бы от меня. А скорее всего, я бы даже не успел вылезти из колыбели.

– Значит, закон Старых королей полностью на моей стороне, – я перехватила сжимающие мое запястье пальцы и впи-
лась в них ногтями.

Герцог даже не поморщился, только бровь поднял выжи-
дательно: мол, а дальше что?

– Завтра я скажу, что король скончался, когда выходил из
спальни, а не входил в нее, и если ты отказываешься...

Герцог обманчиво расслабился.

– Нет, птичка с железными коготками, я не отказываюсь.
Я люблю власть настолько же сильно, насколько женщин, ви-
но и игры. Но я никогда не ставлю на темную лошадь, не беру
кувшинов с неизвестной винодельни и не захожу в портовые
бордели.

– Это когда есть выбор и у твоих ног все виноградники,
лошади и шляхи, – прищурилась я. Нет, я предполагала, что
будет нелегко, но черт побери, от каждого его слова, даже са-
мого простого, у меня сердце стучало быстрее и сбивалось с
ритма. А от того, как он сжимал мою руку, в солнечном спле-
тении становилось щекотно, словно там махала крылышка-
ми колибри. Последний раз со мной такое было в школе, ко-
гда я, влюбленная по уши в одноклассника, оказалась с ним
в паре на каком-то празднике. И больше всего я сейчас опа-
салась, что герцог чувствует ее, эту позорную слабость. – А
корона тут одна, других тебе не спешат принести.

– Регент – не король.

– Кто правит – тот пишет законы. Не делай вид, будто

только вчера родился на свет.

– О, нет, не буду. Но я привык получать гарантии на каждую сделку... Какую гарантию ты дашь мне?

– Себя.

– По рукам...

Он не договорил, резко дернул меня к себе. Среагировать я успела, но не рассчитала, что теперь я на десять килограмм легче привычного, да и силенок у этого тела оказалось маловато. Королева фитнесом не занималась, к моему несчастью.

Герцог живо перехватил меня за горло, развернул и прижал спиной к своей груди. Потом, сильно нажав на скулы, заставил открыть рот. Мгновение, и горло обожгло холодом. Зелье оказалось безвкусным, но словно газированным – сразу зашипало на языке. А эта скотина еще и рот мне ладонью прикрыла, заставив проглотить, а заодно не желая слушать, что я ему скажу. Пустой флакон упал на кожу.

– Тихо, не брыкайся! Замри! Магия подействует через пару минут. Если на тебе есть чужая волшба – на твоей руке, вот тут, появится имя мага. Если Гектор нанял колдуна, чтобы тот заморочил мне голову, – я убью сначала тебя, а потом его...

Я извернулась, освободиться не получилось, но рука, зажимающая рот, чуть сместилась, и я от души запустила в нее зубы. На языке стало солоно от крови.

Герцог зашипел, как рассерженный варан, но вместо того, чтобы выдернуть руку, только сильнее вжал мне ее в рот, а

второй перехватил за горло, лишая дыхания. Секунда, две – и зубы разжались сами собой. Похоже, из всех трех герцогов я поставила на самого сволочного!

Перед глазами потемнело.

17. Договор в силе

Хватка на горле сразу ослабла, и герцог перехватил меня поудобнее, не забыв прокомментировать:

– Бойкая. Я, когда первый раз тебя увидел, подумал, что Джастин купил хартскую корову – только глазищами хлопает и мычит. А ты полна неожиданностей...

“Ты даже не представляешь себе, до какой степени!”

Я закашлялась, восстанавливая дыхание, снова рванулась из стальных объятий и замерла – на моем предплечье, как раз там, где начинался рукав платья, засияла вязь, хитросплетение сложного орнамента. Виток, второй, третий – словно сумасшедший художник рисовал.

Узор светился ровно, светло-голубым, как неоновая вывеска, светом, и исчезать не собирался – наоборот, начал растекаться дальше. Сначала захватил тыльную сторону руки целиком, потом перешел на ладонь, а через пару секунд засветилась и вторая рука.

Я пораженно замерла и вопросительно посмотрела на Ксандра, который, как только подействовала магия, отпустил меня и теперь с не меньшим удивлением рассматривал, что натворил.

Герцог тоже не ожидал подобного, развернул меня за плечи к себе и схватил за руки, пытаюсь разобраться, что там написано. Но судя по тому, что от рук он перешел к разгляды-

ванию моего декольте и шеи, а потом лица – я светилась вся, как светлячок.

Никакого дискомфорта от этого не чувствовала. Узоры ощущались легкими прохладными прикосновениями, как будто меня с ног до головы укутали в шелковую простыню.

– Что это? – требовательно спросил герцог. – Почему оно так выглядит?

Пришлось импровизировать.

– Защита от магии. С детства.

– Я не знал, что твой отец смыслит во всяких колдовских штучках, – герцога происходящее со мной не испугало: он с осторожным интересом рассматривал постепенно гаснущие узоры.

– Не он. Нянька, – продолжила врать я.

Судя по тому, с каким презрением тут все отзывались о родном городе королевы, это была богатая, но все же провинция. И столичным жителям неоткуда знать, как и что в Харте устроено. Не будет москвич вникать, как мажут масло на хлеб в Нижнем Тагиле. Так что врать про семью, отца и город можно было смело. Если и поймают – то не сейчас.

То, что на мне явно есть какая-то магия, прежде всего огорчало и пугало меня саму. Все равно что болезнь – тебе не видна, а врач головой качает. Мало того, большую часть жизни я была железно уверена, что волшебства не существует (кроме магическим образом тающей зарплаты). А теперь на мне какие-то светящиеся узоры, и совершенно непонят-

но, как от них избавиться. А вдруг эта штука настроена на то, чтобы убивать? Откуда она вообще взялась? И как давно это тело носит на себе магию?

По спине прошел озноб, и свечение окончательно пропало. Словно и не было.

После такого сил на споры и дальнейшую борьбу у меня уже не осталось – хотелось только одного, вернуться к себе и уснуть. Пусть завтра приходит кто угодно – Тармель так Тармель, храм так храм. Провались оно все!

Не хочет Ксандр соглашаться на мой план – пусть катится к чертям. Перебыюсь. У меня-то корона уже на голове, а ему своей не видать. Пусть остается Грошовым герцогом до самой смерти.

– Ты закончил? Или хочешь влить в меня силком еще отравы? – я поднялась с пола и поправила подол платья. То ли от зелья, то ли от насыщенного дня и недосыпа, мир перед глазами кружился. – Раз мы не смогли договориться, я пойду к себе. Завтра будет длинный день: разговор со следователем, и вседержитель говорил про похороны. Мне нужно выспаться.

Я шагнула в сторону двери, но меня поймали за плечи и с силой развернули обратно. Герцог весь был как картинка к подписи “и хочется, и колется”.

Но черт побери, какая жалость, что хотел он не меня, а эту проклятую корону! Трон Литавии.

Власть.

А я к ней шла прицепом, словно рыба-прилипала к кашалоту. Видел он перед собой только невзрачную девчонку, которая по ошибке стала женой его брата. Или не по ошибке, а из-за какой-то хитрой политической игры. Потому что брак явно был с душком и гнильцой, и еще следовало разобраться, почему он вообще случился.

А мне хотелось, чтобы под всем он смог разглядеть меня настоящую, такую как есть. Со всеми желаниями, страстями и страхами. Герцог манил меня, как сочная приманка в капкане. И зубья у этой ловушки были острее некуда.

Я прекрасно понимала, что он из себя представляет, но летела к нему, словно мотылек к пламени свечи.

Ксандр смотрел на меня внимательно, и по его глазам было ясно – решение уже принято.

И как же он ненавидел меня сейчас за это!

И еще хотел.

Это я тоже чувствовала.

18. Давай погасим свечи

– Не знаю, кто ты и откуда свалилась на мою голову, но будь по-твоему. Договор. Лиера, дочь Якова Хромого из вольного Харта. Я женюсь на тебе, как на вдове моего брата. И буду защищать тебя от любой опасности, пока ты не родишь наследника престола, а после чтить как мать короля.

Тон, которым мне все это прошептали в ухо, был далек от нежного. Ну примерно как Арктика от Антарктики. Герцог был зол. Очень зол. Впрочем, таким он мне нравился даже больше.

Лиера. Вот как меня зовут. Отличие только в одной букве. Лера-Лиера. Это хорошо, проще будет запомнить. Что ж, герцог все-таки сдался, один-ноль в мою пользу. Только вот на душе почему-то не радостно.

Я посмотрела на Ксандра исподлобья и медленно, чтобы это выглядело даже не намеком, а прямым предложением, облизала губы, а потом прикусила нижнюю. Герцог предсказуемо залип взглядом и неосознанно притянул меня к себе.

Ну вот и прекрасно, значит, не разучилась. А то в чужом теле я себя чувствовала как в одежде не по размеру. Неуверенно и нелепо.

– Хорошо, тогда нам нужно сделать все, чтобы наследник родился. Нам двоим.

Вместо того, чтобы вырваться, я накрыла его руки свои-

ми ладонями и услышала потрясенный выдох. Да, чего герцог не ожидает от вчерашней скромняшки, так это инициативы. Да с самого нашего знакомства стоит мне пошевелиться, как он смотрит на меня как на внезапно заговорившую белку.

Значит, будем удивлять.

Сама собой корона на моей голове не удержится – ее должны намертво прижимать сильные мужские руки. И хорошо, что выбирать, кому эти руки будут принадлежать, я могу сама.

Герцог мне нравился. На каком-то зверином, животном уровне. Наверно, в романтических книжках это бы назвали страстью. Не знаю. Но чем дольше я находилась рядом с ним, тем больше хотела, чтобы этот дикий и сильный мужчина принадлежал только мне. Мне одной. И чтобы никакие баронессы даже подойти к нему близко не могли.

В глубине души я понимала, что сделать это будет сложно. И на его ложе наверняка перебивало больше женщин, чем дубовых листьев на здешних гербах. Но что я теряю?

Умирать во второй не так страшно. Здесь у меня нет ни подруг, ни родственников. Шантажировать меня нечем. Карасик прекрасно прокормится замковыми мышами, если со мной что-то случится. Тут, в незнакомой магической Литавии, у меня есть только я.

А теперь мне очень хотелось, чтобы у меня еще был он. Ксандр. Мало того, страстно желалось, чтобы под этими ко-

ровыми глазами восемнадцатилетней дурочки он бы разглядел настоящую меня. Ту самую, которая знает себе цену.

Но в этом деле у меня был союзник – темнота. Она скроет от герцога то, как я выгляжу сейчас, оставив только ощущения. Так что получится хоть немного побыть собой. Заодно посмотрим, от чего приходят в восторг здешние баронессы и лезут на столы. Может, как только я получу желаемое, глупое сердце перестанет так колотиться?

Я развернулась, прижалась к герцогу спиной, откинула голову ему на плечо и спросила очень тихо:

– У тебя есть какие-то зелья, чтобы помогли зачать?

– Нет, – в голосе Ксандра слышалось легкое удивление, и он перестал сжимать мои плечи в стальной хватке. Смысл держать капканом то, что не убегает? Мало того, само льнет к рукам. – Скорее другие, с обратным действием. Многие дамы страстно желают женить меня на себя, с тех пор как я овдовел. Приходится быть осторожным.

– О. Большая охота на знатную добычу? – я не удержалась от шпильки, а Ксандр весело хмыкнул куда-то мне в шею, оценив. – Это нам не подходит. Осторожность придется отбросить. Ну так как, герцог? Где ваша часть сделки? Или все-таки решили положиться на то, что покойный король все сделал сам?

– Даже не думал. Джастин все делал хуже некуда.

Я почувствовала, как легко порвались под его пальцами завязки плаща, а потом треснул корсет – герцог даже на се-

кунду не задумался о том, в чем мне через половину замка возвращаться к себе.

Но от того, сколько силы пряталось в этих руках, меня это тоже перестало волновать. Пусть его, хоть голой. Тогда сам и проводит.

Томление, зародившееся где-то под грудью, разлилось сильнее, охватывая плечи и шею, я прижалась к герцогу теснее и прошептала:

– Погаси свечи. Хочу... темноты.

Он и погасил. Метательным ножом, швырнув его через полкомнаты так, что лезвие срезало огоньки.

И остались только свет от углей в камине, который мне уже не мешал, и мягкий мех шкур на широкой кровати.

19. Опять Карасик

Если бы не Карасик, который работал сигнальным звоночком, я бы точно нарвалась на стражу.

Но мой замечательный кот не только дождался, пока беспутная и по здешним моральным нормам распутная хозяйка выберется из чужой постели, но и проводил до комнат, не дав заблудиться и оберегая от лишних глаз.

Дозорных мы встретили трижды, но у дверей моих покоев по-прежнему стражников не было. Я осторожно прокралась к себе в комнату, держа утянутый тайком кувшин с остатками воды и завернутый в плащ хлеб.

Сейчас есть не хотелось, зато будет запас на завтра. Еду и воду пришлось спрятать за портьерой, в самом темном углу. Судя по пыли, туда не заглядывали год, а то и больше.

Я нырнула в огромную кровать, нашла там железную сковороду с крышкой, очень удивилась, но вспомнила, что это грелка. Внутри засыпались угли, а потом согревались простыни и одеяла. Вот ведь, в этом мире и магия есть, а туфель нормальных пошить не могут и отопление никуда не годное.

Сковорода успела уже остыть. Пришлось осторожно вытянуть ее за ручку, стараясь сделать так, чтобы она случайно не раскрылась и угли не высыпались в кровать. И забравшись под удивительно пушистое одеяло, свернулась клубком и смогла спокойно обдумать то, что наворотила за эту ночь.

При этом сомнений в том, что наворочено с гору, не возникало.

Герцог Ксандр в постели был... хорош. Наверно, ни с кем и никогда мне не было так восхитительно с первого раза. Может, сыграло роль, что я все-таки влюбилась – ну если быть честной с самой собой. Ведь не хотела же... в моей ситуации доверяться чувствам глупо, но сердцу не прикажешь.

Я влетела в него со всего маху ровно с того момента, как вчера увидела. А теперь – и двенадцати часов не прошло, как я оказалась в его постели. И всерьез планирую как можно скорее выйти за него замуж и родить ребенка. И ночи в нашей супружеской жизни обещают быть жаркими и полными огня.

Забавно, но, кажется, мне удалось Ксандра удивить. Он совершенно точно не ожидал от меня – вернее от дочки правителя Харта и вдовы своего брата – страстности. Может, королевам тут полагалось лежать, смотреть в потолок и думать о Литавии? У меня в объятьях Ксандра этого не вышло. Зато получилось другое. И даже несколько раз. И каждый следующий раз был восхитительней предыдущего.

По телу разливалась теплая, приятная истома. Колибри влюбленности под ребрами немного притихла. Мельком подумалось, что завтра похороны мужа, которого я ни разу не видела живым, допросы и главное – объявление о том, что мы с герцогом заключаем брак. Но это все – через несколько часов.

Я уже почти уснула, когда ко мне на кровать с разбегу запрыгнул Карасик и вместо того, чтобы по старой привычке улечься в ногах, с требовательным мявом стал тереться о мою шею.

– Что стряслось? Тебя выпустить?

Виноградные лозы за окном вполне позволяли коту совершать короткие прогулки в парк и не замеченным слугами возвращаться обратно. А то еще неизвестно, как на его присутствие отреагируют. Может, тут не принято заводить питомцев?

Но, кажется, Карасик хотел другого, он ухватил меня зубами за палец и потянул прочь с кровати. Пришлось встать и послушно пойти до широкого кресла.

– Мря, – удовлетворенно сказал кот, отпустил палец и запрыгнул на широкий подлокотник.

– Спать тут? – уточнила я, но кот уже не ответил, свернулся клубком и только недовольно дернул ушком на мешающие звуки.

Я вернулась, сгребла с кровати одеяла и ушла на кресло. Мало ли что. Лежать тут получалось только таким же котячим клубком, но это оказалось неожиданно уютно, и я провалилась в крепкий сон.

Утро встретило меня треском и грохотом.

Только воплей не хватало.

Меня аж подкинуло в кресле, и пока я выпутывалась из одеяла, где-то вдалеке забегали, предсказуемо завопили и за-

колотили в двери.

Кресло для долгого сна оказалось неудобным – дико затекла спина и свело лодыжки. Но вид на собственную кровать – бывшую кровать – все искупил.

Балдахин рухнул. Совсем.

Резные тяжелые балясины, на которых держалась рама с балдахином, валялись прямо на кровати. Сама рама лежала сверху. Останься я там – все эти двести кило дерева и ткани с размаху припечатали бы меня сверху.

Я быстро, пока на шум не прибежали слуги, бросила одеяло на кровать – прямо в кучу бархата и ломанного дерева, закрыла сверху куском балдахина. Потом схватила корону и на ощупь надела ее на растрепанные со сна волосы.

Пусть думают, что я спаслась чудом. Королева, которую берегут боги, куда ценнее обычной королевы.

Успела!

Дверь в мои покои почти вынесли охранники. Шестеро разом, с обнаженными мечами. И это были совершенно другие стражники, не те, что стояли вчера в карауле и сопровождали меня на прогулке по замку.

Я и не подумала прикрываться – так и осталась стоять перед ними в длинном ночном платье. Платье было из плотной, но мягкой ткани и хорошо согревало, что весьма пригодились в каменном замке, где царствовали сквозняки и сырость. И уж тем более ничего в нем не было игривого или прозрачного.

Однако вбежавшие стражники остановились, словно на стенку налетели. Видно, поразила в самое сердце таким рядом. А тот, что был помоложе – лет семнадцати на вид, – так и вовсе залился румянцем. Я едва сдержала улыбку, тоже мне коварная соблазнительница, в прабабушкином халате.

– Ваше Величество, – старший коротко кивнул и вопросительно поднял брови, не решаясь озвучить свое мнение.

Правильно – убивать вроде некого, королева жива, но что-то явно не в порядке. Сильно сомнительно, что хрупкая женщина сама переломала толстые дубовые столбы и уронила весь балдахин.

– Услышала шум за окном, успела встать, а потом все рухнуло, – пояснила я. – Позовите мою прислужницу, мне нужно одеться. И вседержителя Фабо. Он должен увидеть.

Начальник караула кивнул коротко и вышел. Остальные за ним. Только молодой зазевался, рассматривая меня, но кто-то из старших утянул его за рукав бордовой форменной куртки.

Служанка не пришла. Ни через три, ни через пять, ни через десять минут. За дверьми спальни почему-то суетились, ходили, даже кто-то на кого-то прикрикивал, но ко мне больше не ломились. И не стучались.

20. Утро добрым не бывает

Пришлось одеваться самой, без служанки.

Вчера шок не дал мне как следует рассмотреть все, а теперь королевский гардероб при свете дня меня огорчил.

Красивые платья, но им не хватало блеска. На двух дамах на вчерашнем бдении у покойника наряды были куда более изысканными. Наверно, на их фоне я смотрелась деревенщиной.

Всего платьев было девять – и семь из них мрачных цветов: серые, темно-серые, бутылочно-зеленые, грязно-синие. Одно кремово-белое походило на свадебное и скорее всего им и являлось, но вышивка на нем была настолько фактурной, что казалась грубой и вычурной. Еще один наряд, насыщенно бордового цвета, в тон униформе стражи и флагом в коридорах, видимо для каких-то торжественных случаев, я оставила на потом.

То ли королеве не успели пошить новый гардероб, как она овдовела, то ли мой покойный муж жадничал и не выделял на наряды денег.

Мало того, два платья были мне коротки и жали в груди – самую малость, но попробуйте походить в непривычном вам корсете, да еще с рукавами, которые пережимают предплечья. Пытка.

Я выбрала черный наряд, он хотя бы был соразмерен.

Ткань оказалась жесткая, словно накрахмаленная, и я здорово намучилась, прежде чем сообразила, какое нижнее платье под него нужно надеть.

Затем на ощупь затянула шнуры на корсете – получилось криво, но платье облегало и ладно.

Большим костяным гребнем причесывать волосы было в новинку, вчера я только разобрала остатки прически – после ночи в постели герцога волосы походили на беличье гнездо, – а привести в порядок поленилась. Теперь наступил час расплаты. Я попыталась расчесать колтуны. Получилось, хоть и не с первого раза. Изучив содержимое туалетного столика и поняв, что ради локонов мне придется сначала растапливать камин и греть щипцы, я закрутила на голове низкий пучок и украсила его тремя тонко заплетенными косами. Сверху закрепила корону. Удобное украшение – крупное, сразу закрывает половину недостатков. Во всех смыслах.

Из драгоценностей на сегодня выбрала максимально скромные – матовые черные камни в тон платью. Для вдовой королевы – очень подходящие. Особенно если не знать, где она провела ночь.

Если вчера, перед визитом к Ксандру, я пыталась сделать себя привлекательнее, то сейчас это точно было лишним. Вдова должна вызывать жалость. И сочувствие. Бедная королева-чужестранка, которая лишилась мужа. И которая вполне может быть от него беременна.

Черт побери, а рожать-то придется мне самой, даже с чу-

жим телом! И как тут все будет происходить: с магией или без? Или тут вообще всех выгоняют рожать в лес на мороз?

Сложнее всего было привыкнуть к мысли, что это предстоит. К детям я всегда относилась хорошо, но почему-то никак не могла представить их рядом с собой. Поэтому предохранялась весьма старательно. Как показало наше с Пашей расставание – не зря.

А тут... Других выходов оставить на себе корону я не видела. Священник, как заправский интриган, очень славно все разложил по полочкам. Хорошо бы еще все получилось... Времени у меня в запасе около двух недель, дальше обман раскроют. Значит, каждую ночь надо будет ухитриться незамеченной оказываться в комнате Ксандра.

Я осторожно открыла дверь и вышла из спальни.

В гостиной меня ждала целая делегация. Только что без хлеба-соли.

Вседержитель Фабо, сменивший свой вчерашний серый наряд на бордовую хламиду из дорогушей ткани, сидел в кресле и задумчиво крутил в руках четки. Гранаты в них были куда крупнее и ярче, чем в моих.

Священник хмурился и казался мрачнее тучи. Под глазами залегли темные тени – не похоже, чтобы этой ночью у него вышло поспать.

Рядом с ним в таком же кресле сидела тощая женщина лет шестидесяти. Цыплячья шея, очень длинные почти цыганские серьги с неограненными камнями. Седые волосы за-

браны в высокую прическу. Тонкие губы поджаты неодоб- рительно, а худые пальцы вертят какую-то деревянную иг- рушку, похожую на юлу. Детский волчок – с одной стороны острое и широкое основание.

Герцог Тармель и его брат Гектор тоже были здесь. Сто- яли за креслами и, склонившись друг к другу, что-то тихо обсуждали. Гектора я только сейчас смогла разглядеть – он был больше похож на Ксандра, видимо, оба взяли от свое- го отца мощное телосложение и манеру упрямо наклонять голову. Но в Гекторе не было той привлекательной червото- чинки, той смеси из насмешки и злости, которая делала гер- цога Ксандра таким восхитительным поганцем. И которая, кажется, проникала мне в сердце, напрочь миную мозги.

Если сравнить их с собаками, то Гектор походил больше на мастифа, а Ксандр – на ротвейлера. Тармель же напоми- нал борзую – изящную, красиво вышагивающую на повод- ке у хозяйской ноги, но догоняющую зайца за полминуты. И рвущую ему горло за пару секунд. От его взгляда, вроде бы приветливого, меня прошиб озноб.

Стражники, которые в беспокойстве вломились в мои по- кои, теперь стояли у окна и всем видом старались не мешать тем, кто сидел в креслах. Старший охраны невозмутимо чи- стил ногти лезвием короткого ножа.

Двери в остальные комнаты были распахнуты настежь, и оттуда доносились тихие озабоченные голоса. В целом все походило на обыск, но в средневековом стиле. Похоже, что

одним рухнувшим на кровать балдахином тут не обошлось. И дела еще серьезнее: этим утром я действительно чудом избежала гибели. И возможно, не один раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.